

Митрополит Сурожский Антоний (Блум): О законе и благодати

Проповедь

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. В Послании к Галатам апостола Павла (Гал 2: 16–20) есть слова, которые так же важны для нас, как они были важны для них. Апостол Павел говорит о различии, больше того – он подчеркивает контраст между законом и благодатью, между всем тем, что было до Христа, и всем, что есть теперь, после пришествия Христова, для тех, которые избрали Его своим Богом, своим Спасителем, своим Господом. Различие это очень ясное. В Ветхом завете Бог дал Своему народу закон. Говоря коротко, Десять заповедей, которые мы все знаем. Говоря более широко и подробно, это все, что можно найти в книгах закона Моисеева, – самые подробные указания, которыми упорядочивались все случаи жизни. И те, кто неукоснительно соблюдал эти предписания, могли считать себя праведниками; Богу нечего было с них спросить, потому что они выполняли каждую букву, каждое слово, сказанное Им в законе. И в Новом завете Христос Сам предостерегает нас; Он также дает нам то, что мы называем заповедями; Он говорит нам, как мы должны поступать, какими мы должны быть, если хотим войти в жизнь вечную. И это не значит – «придите на Божий суд и примите прощение», но означает – «вступите в иной масштаб, иное измерение жизни, в такое измерение жизни, какое вам еще неизвестно». Обладать вечной жизнью означает быть в такой общении, в такой общности с Богом, что Его жизнь становится нашей жизнью и, по слову апостола Петра в одном из его посланий, означает стать соучастником божественной природы – силой, благодатью и милостью Божией. Но этого не случится, если мы просто подчинимся тому, чему учит Господь Иисус Христос, тому, что Он говорит, или если то, что Он повелевает, советует, молит нас сделать, мы выполним, повинувшись рабски, только в надежде на награду, как наемники, которым причитается плата за труд. Те, кто воспринимает заповеди Христа, как если бы то были ветхозаветные предписания и правила, знайте, что вы рабы негодные, ничего не стоящие, – слуги, люди подзаконные, подвластные, подъяремные, еще не вступившие в область свободы детей Божиих... То, что мы называем заповедями Христа, это пути; через них Христос говорит нам: научись жить так, и тогда ты будешь Моим сообщником, ты будешь заедино с Богом, ты вырастешь в такое единство с Богом, которое есть сама жизнь, но не временная, не преходящая жизнь, не такая жизнь, которая ведет к смерти, но жизнь с избытком, жизнь, вырастающая в бесконечность, в собственную Божию жизнь в нас. Вслушаемся же во Христа и поймем сказанное Петром: «У Тебя – слова вечной жизни» (Ин 6: 68); Ты говоришь с нами – и все, что в нас есть вечного, все, что в нас может общаться с Богом, все, что может соучаствовать в самой Божией природе, растет и ширится в нас... Тогда мы поймем, что не деланием, но общением мы вырастаем в это единство с Богом. И в этом – закон благодати, или, скорее, пути благодати: общение, сопричастность такие глубокие, общение такое все более совершенное, что мы становимся едиными с Живым Богом. Заповеди Христовы – не повеления в смысле «поступай так, и ты со Мною будешь квит», а призыв: «Будь, как Я, и ты будешь таким же вечным, таким же святым, таким же совершенным, каков Я, через приобщенность Моему совершенству, Моей святости, Моей вечности...». Станем же читать и перечитывать Евангелие такими глазами, сердцем таким открытым, и мы увидим, что Евангелие – это книга свободы, книга жизни, книга радости, книга общения с Живым Богом. Аминь. 2 октября 1988 г.

Священник Георгий Кочетков: Из проповедей (апрель 1991 г.)

Проповедь

31 марта. ВХОД ГОСПОДЕНЬ В ИЕРУСАЛИМ

Слово после утрени

Дорогие братья и сестры, мы с вами завершили утреню, и сейчас, прежде чем начать служение литургическое, я бы хотел сказать несколько слов, потому что каждый день подходят с вопросами. Кто-то распускает странный слух, что в связи с соединением Пасхи и Благовещения и это - нельзя, и то нельзя. Все можно, все, как всегда - и крашение яиц, и освящение куличей и пасох накануне и в день праздника. Все, как обычно. Поэтому, если вы от кого-то услышите этот невежественный слух, который, увы, распространился как-то мгновенно и повсеместно, то обязательно поправляйте людей. Говорят даже такие совсем негодные вещи, что и в храм ходить нельзя из-за того, что праздники соединились. Будьте трезвыми. Помните, что иногда это и не очень безобидные слухи. Иногда их распространяют те, кто заинтересован в том, чтобы в храмы люди не ходили. Поэтому поправляйте людей. А сейчас можете получить свои свечечки, и готовьтесь к литургии.

Слово после литургии

Всех вас, братья и сестры, поздравляю с праздником и прежде всего с тем, что мы снова смогли соединиться с вами в таинстве святого Причащения. Для нас это всегда особая радость. Не проходит ни одного евхаристического служения в Церкви, чтобы Господь не давал нам явные знаки прощения и благословения и благодати. Это великая ответственность. И вот скоро, уже в следующий раз, когда мы с вами соберемся в среду вечером, в шесть часов на вечерне, мы будем снова готовиться к Евхаристии. И будет в среду вечером исповедь, потому что в четверг - воспоминание Тайной вечери. Утром в четверг будет утреня, а вечерня и литургия, может быть, будет совершаться так, как положено это по уставу в четверг вечером, потому что мы не можем, как это сейчас распространено во всех храмах, служить литургию утром, так как это рабочий день у реставраторов, занимающих наш собор. Мы надеемся, что, выступив с прощением на имя Святейшего Патриарха, получим на это его благословение, что это не будет нам запрещено, хотя уже в течение нескольких веков Тайная вечеря литургически воспоминается во всех храмах почему-то утром. Мы очень надеемся (нет худа без добра), что наши реставраторы так нам помогут восстановить древний чин по уставу. Так что не исключено, что литургия будет не после утрени, которая начнется в 8 часов, а после вечерни, которая начнется в 6 часов вечера. В среду вечером мы это, конечно, уже определенно сможем вам сказать. Молитесь Господу, чтобы это произошло. Мне представляется, что Господь не случайно дал это нам, чтобы мы делали какие-то выводы из этого, потому что есть вещи, которые трудно очень, с одной стороны, изменить, потому что они вошли в традицию, а с другой стороны, трудно их оправдать смыслом и духом устава богослужения. Тайная вечеря была совершена Господом в Великий четверг вечером, и поэтому по уставу ее положено совершать после вечерни, и вы узнаете, если пойдете в другие храмы, что и там совершают после вечерни, но только вечерню переносят на утро. И если мы найдем благоволение в очах Божиих, то у нас будет именно так, как я вам объяснил, - вечерня литургия. Вот, братья и сестры, очень прошу вас сейчас не терять того задатка любви, благодати и дерзновения со смирением, который вы сегодня получили. От этого многое может зависеть, даже в самые ближайшие дни. Храни вас всех Господь!

3 апреля Слово на вечерне Великой среды после паримии (Мф 26:6-16) Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Братья и сестры, христиане! Мы слышали о том, что женщина, возлив миро на главу Господа и помазав Его, приготовила Его к погребению. И дальше евангелист говорит как бы странные слова: «Где ни будет проповедано евангелие сие в целом мире, сказано будет в память ее и о том, что она сделала». И, кажется, какое же это евангелие, какая же это радостная, благая и счастливая весть, если эта весть связана с погребением Спасителя и Господа? Что за радость увидеть гроб и тело бездыханное? Почему сколько бы ни проповедовалось евангелие, будет сказано о том, что сделала эта женщина? Ответ нам с вами должен быть ясен: Воскресение Христово невозможно было без Голгофы, без погребения. Евангелие о спасении не может пройти мимо Голгофы. Без креста нет воскресения. И вот образ учеников: одна женщина – недостойная в глазах многих и многих людей, отдает все, служит Господу, другой же, как бы ученик, один из двенадцати, один из братства, из общины Христовой, идет, чтобы предать, и хуже того, просит за это предательство еще и мзды. Дорогие братья и сестры, это и для нас с вами учение жизнью. И мы ученики Христовы, но какие? Мы знаем – может быть такое, чтобы собралось множество учеников и не было ни одного предателя. Да, такое в истории бывало, даже в страшной истории XX в., когда вся Церковь, попав в тяжелые обстоятельства, могла пострадать от неверности даже одного своего члена. И были в истории нашей моменты, когда не находилось ни одного предателя, ни одного во всей этой Церкви. Но, к сожалению, мы знаем и другое. К сожалению, бывало и так, что даже в малых общинах ближайших учеников находились те, кто готов был предать – страха ради, корысти ради, неверия ради. Дорогие братья и сестры, вспомним же в этот день о той, которая, пролив миро, омыла Господа и тем подготовила Его к погребению. Вспомним и всех верных Его учеников. Аминь.

Слово после вечерни Великой среды Вот, дорогие братья и сестры, мы завершили с вами вечерню Великой среды, и завтра в 8 часов совершим утреню. Еще раз говорю для тех, кто не слышал: завтра вечером, по благословию Святейшего Патриарха, мы будем совершать вечерню и литургию Василия Великого, поэтому, готовясь к литургии, к воспоминанию Тайной вечери, с полудня ничего вам не надо есть и пить. Сейчас готовьтесь к исповеди. После небольшого перерыва она начнется.

Слово на исповеди Братья и сестры! Что нам сейчас более всего нужно и чего всем нам не хватает? Веры, верности Богу, ближним и Церкви Христовой. Мы слишком часто бываем озабочены собою, своими делами, своими обстоятельствами, своими немощами, и вера наша как бы уходит на задний план, становясь фоном нашей жизни, а не центральной силой, главным ее средоточием. Сейчас, когда воспоминаются страдания Господа, когда мы видим пред собой образы учеников Христовых, образ женщины простой, но верной, о которой сегодня мы слышали из евангелия, и образ апостола из двенадцати, но неверного, предателя, так и нам нужно подумать – не распинаем ли мы Христа своими вольными грехами? Мы часто идем на грех, мы часто знаем, что этим предаем Христа, и тем не менее это нас не останавливает. Мы способны не только не чтить святую Церковь, но способны бываем хулить ее. Прости нас, Господи, за наше невежество. Это не та неверность, о которой сказано в связи с апостолом Фомой. Это другая неверность – неверность, которая нас часто приводит на грань предательства. Мы способны бываем распространять всякие слухи, нередко непроверенные, о ближних наших, а подчас и сами их рождаем. Прости нас, Господи. Мы бываем лицемерны и лживы, когда в лицо улыбаемся, а стоит подойти к другому человеку – начинаем лицемерно осуждать того, с кем только что любезно беседовали, как с братом или как с сестрой. Мы бываем неспособны нести свой крест и вмещать правду жизни. Иногда нам хочется жить в розовых очках, в розовом мире, в изумрудном городе, который ни на небе, ни на земле не стоит. Прости нас, Господи, за то, что мы бываем не верны слову Твоему. Если бы мы во всем исполняли слово Христово, то, наверное, Церковь бы укреплялась. Если бы мы могли на всякого человека посмотреть, как на того, кто выше нас в том или ином отношении, не обязательно во всех отношениях, то не было бы между нами разделения, наговоров, соблазнов, то не было бы расколов. Как часто бывает, к сожалению даже в нашей среде, хотя нам иногда кажется, что мы этого не делаем, и все же,

как часто бывает, что мы по отношению к другим членам церкви, которые внешне не похожи на нас, допускаем такие выражения и такие духовные состояния допускаем в себе, что можно подумать, что это вовсе не братья наши и сестры, что мы – не одна Церковь, что это люди чужие. И все это только потому, что где-то нас не погладили по головке, где-то нас не похвалили лишней раз. А мы так любим похвалу! Прости нас, Господи. Мы очень часто делаем многое не ради Бога, не ради правды Его, а ради похвалы. И много-много людей, увы, мы это хорошо знаем, начинают увядать прямо на глазах, стоит не сказать им сто раз слово похвалы. Прости нас, Господи, за такое мелочное тщеславие, за честолюбие, за самолюбие, за эгоизм, когда мы не хотим видеть никого рядом с собой, когда мы не хотим отвечать за то, что мы делаем, а все время оправдываемся и переваливаем на других любую ответственность, когда мы легко можем отойти в сторону, в тень, совершенно не думая о том, что будет на этом пустом месте. Прости нас, Господи. Мы часто еще не чувствуем друг друга единым телом, телом не своим, а Христовым. Так, чтобы за Христа жить и умереть. Мы все время себя оправдываем. Есть у нас семья и много детей – оправдываем свою лень и бездействие в церкви этим, и еще работой, учебой, немощами своими. Почему-то у одних есть и семья, и немощи, и учеба, и работа – все, и они служат Богу день и ночь, а у других – вроде обычная жизнь, но оправдания бесконечные. Прости нас, Господи. Мы часто не любим Божье творение, Божье создание. Абстрактно очень любим и красоту мира, и гармонию этого мира, и музыку этого мира, а когда доходит дело до жизни в этом мире, то гнушаемся им. Прости нас, Господи. Мы часто не видим друг в друге главное, пусть даже это неверующие люди, мы не способны в них видеть образ Божий, не способны поверить в них, не способны дать им аванс любви нашей. Ждем, когда они нас полюбят, хотя знаем, что любовь всегда бескорытна. Прости нас, Господи. А если не любит нас человек, и мы уже как будто полюбить никого не можем. Поэтому часто, по отношению к этим людям мы остаемся злорадными, часто не прощаем до конца, от всего сердца нашего, их согрешения. Повторяю, мы знаем, что любовь не может быть заслужена делами. Мы знаем, что любовь или есть, или нет, но ждем от многих людей вокруг нас любви к себе. Ставим это условием всяких духовных отношений, да и остальных тоже. Прости нас, Господи. Поэтому бываем часто лживы. Где лицемерие, где неверие, где недостаток любви – там ложь, там сила дьявола. Прости нас, Господи, за то, что мы еще способны лгать, хотя верующему человеку солгать – это то же самое, что отречься от Христа. Наш язык даже и повернуться не должен для слова лжи, так же как рука наша не должна подниматься для того, чтобы украсть или совершить какое-то насилие. Прости нас, Господи, за то, что молитва у нас бывает слабая. Или, наоборот, что ждем только внешних ощущений, некоего блаженства в молитве, душевного успокоения, и не идем на тот риск любви, который не всегда бывает очень удобен в жизни мира сего. Наверное, все-таки еще найдутся люди, которые могут грешить против себя, против своей плоти, против храма Духа Святого, блудными ли помыслами и делами, курением, пьянством и т. д. Надеюсь, нет таких, которые соблазнились бы наркотиками. Здесь, я думаю, таких нет. Но боюсь, есть те, которые еще не бросили курить или не чувствуют своей меры в вине. Прости, Господи. Это надо сделать сразу и навсегда, если почему-то у человека еще есть подобные поползновения. Мы часто гневаемся, раздражаемся и легко переходим черту справедливости в отношении к другим. Прости нас, Господи, за это, за то, что мы, по отношению к себе требуем и справедливости и милосердия, тогда когда сами от правды отходим. Но в отношении других не чувствуем, что и им нужно милосердие, что они тоже хотят жить и видеть справедливость. Мы с вами сейчас предстоим перед Богом и должны думать о своей жизни особо, потому что знаем: мы должны так жить, чтобы иметь внутреннюю возможность причащаться в любой день. Пусть для нас это будет критерием нашей духовной жизни. Для каждого своим, по совести. Могу ли я сегодня причаститься или мог бы я в этот день причащаться – пусть каждый спросит себя вечером. Совесть нам подскажет всегда, насколько мы с вами близки ко Христу или удалились от Него, в зависимости от того, как мы ответим на этот вопрос. И еще. Если мы не знаем, как поступать, пусть каждый из нас на свое место поставит духовно и мысленно Христа. Как бы Он поступил

на нашем месте, в наших условиях? Опыт показывает, что ответ на этот вопрос тоже способен раскрыть нам реальность нашей внутренней жизни и нашей внешней жизни. Помолимся же в покаянии!

14 апреля. ФОМИНА НЕДЕЛЯ. АНТИПАСХА Слово на утрени после 1-го воскресного Евангелия (Мф 28:16-20) Братья и сестры, христиане!

Вот и кончилась Светлая седмица и вместе с ней кончилось наше великое торжество принятия в Церковь новых членов, в души которых возвратился Свет Божий и воскрес Христос. Мы вспоминаем Воскресение Христово, и Пасха эта еще будет длиться долго – до самого Вознесения, до кануна праздника Вознесения. И сейчас мы снова слышим, согласно церковному уставу, евангелие о том, как Господь учит поклоняться Ему. Бог есть Дух, и ищет Себе поклонников в Духи и Истине. Не в той или иной форме благочестия, не в том или ином разряде или сане. Другое дело, что у каждого есть свой дар Духа, особый, и каждый им может и должен, конечно же, стараться служить – служить Богу и Истине. И вот что дальше говорит Господь: «Некоторые ученики, увидев Иисуса, поклонились Ему, а некоторые усомнились». Это не случайно. Часто бывает так, что у людей не хватает веры. Часто бывает так, что даже увидев благодать Божию, люди начинают объяснять это какими-то внешними вещами. И Господь не обращает на это внимания, Он никого не переубеждает, Он ни с кем не спорит. Ни с кем. Имеющий уши да слышит, имеющий глаза да видит – так можно сказать про все эти ситуации. И дальше Господь, ничего не говоря усомнившимся, продолжает, обращаясь к верующим, к верным: «Дана Мне всякая власть на небе и на земле». Что это значит? Это значит, что нет больше власти, чем та, которая у Господа Иисуса Христа. Это самая совершенная власть в мире – на небе и на земле. А мы знаем, что Бог есть Любовь. И поэтому эта власть есть власть любви. Нет иной власти, кроме этой власти. Нет другой силы, больше и совершенней, чем сила Любви, сила Духа, которая есть Любовь. Господь убеждает Своих учеников в этой силе. Это самое важное откровение, которое дается Им. Это не просто основание нашей надежды на то, что Бог с нами – и никто никогда не победит нас. Это и основа нашей Любви. И дальше Господь говорит о том, как Ему хочется распространения этой силы в этом мире. Он посылает Своих учеников, всех до одного, делает их Своими посланцами, Своими посланниками: «Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа», т.е. открывая им жизнь в Отце, и Сыне, и Святом Духе, и уча их соблюдать все, что Он повелел. «А Я с вами во все дни до скончания века», – говорит Господь. Хотя все вы уже слышали и знаете, но все-таки хотелось бы еще и еще раз напомнить вам о том, что не случайно здесь перед крещением поставлено научение – «Идите, научите все народы...» Что значит «научите»? Это указание пути, это то, что мы с вами называем оглашением. Когда вы их научите, то крестите их, откройте им всю глубину духовной жизни Божией и всю бездну радости, света и любви. А дальше продолжайте их учить, но учить уже другому – соблюсти все, что повелел нам Господь. Потому что каждый человек в первую очередь должен узнать путь и пойти по нему, увидев всю глубину познания Божьего, но после этого ему надо еще научиться строить жизнь свою на земле в условиях, когда человеку приходится жить в мире, лежащем во зле. Это трудно, потому что зло это нападает на нас, зло это агрессивно, и оно особенно активно нападает на тех людей, которые стараются освободиться от него, освободиться вполне определенно, до конца. А следовательно, таким людям еще сложнее, потому что пока человек не трогает эту гидру, она и лежит себе спокойно у него в душе, а как только ее изгоняют, начинается борьба. Вот эта духовная борьба и происходит в душе, и особенно остро она происходит тогда, когда человек вошел в церковную жизнь, когда он отдал свое сердце Богу, когда он отдал свое сердце ближним, когда он отдал свое сердце служению. Поэтому здесь нужно большое учение – учение, чтобы соблюсти все, что заповедал Господь. Многим кажется, что они живут по-христиански не так плохо, начинают себя сравнивать с другими, говорят: «На что мне еще учиться? У меня много забот, хлопот, у меня дети, у меня работа, у меня здоровье, у меня там то и то». И забывают, что они, может, и

выполнили что-то, но выполнили только часть, только одну сторону. И это самое страшное, когда человек вмещает в себя какую-то часть, потом оказывается, что он уже перестает вмещать ту истину, которая ему открывается и другой стороной. И тогда он начинает бороться с теми, кто не такой, как он, и вместо единства, любви и полноты начинается борьба совсем не за истину, а за ту частичку, которую вместил человек. И вот, чтобы избежать этого, что, к сожалению, часто происходит в церкви, нам и нужно соблюдать все, что благословлено. Как сказано в Евангелии, все, а не только ту или иную частицу. И это тоже не очень просто, это тоже трудно. Для того, чтобы исполнить это слово евангельское, нужно, конечно, иметь слух и нужно иметь сердце. Они открываются Богу, но с помощью нашей любви. А чтобы научиться, нужны учителя. Кто такие учителя в Церкви? Учителя – это те, кого Господь послал первыми, кто является старшим по отношению к нам, о ком мы можем особенно радоваться, потому что нам есть на кого смотреть. И у каждого из нас есть свои старшие и не только иерархически старшие. Да, сеть, конечно, и иерархические старшие, но есть у нас, что еще более важно, духовно старшие. В народе любят искать старцев. Вот когда говорят о старцах, ищут старцев, ищут не просто людей, облеченных высшим саном, а ищут духовно наиболее опытных, духовно наиболее одаренных людей. Господь тогда и посылает таких людей. Конечно, это не значит, что всегда есть старцы подлинные и притом великие старцы. Но люди старшие духовно, более опытные, есть в каждой общине, потому что все это относительно, относительно нас, начинающих. И вот поэтому, дорогие братья и сестры, когда мы говорим об учении, мы прежде должны хорошо подумать, от кого учение принимать, кто нас научит не только той или другой стороне христианской жизни, а всему. К сожалению, повторяю, часто бывает, что учителя учат только с одной стороны, как бы специализируясь то на аскетике, то на благотворительной помощи, то еще на одном, то еще на другом. Все это важные стороны, но только отдельные стороны. А Господь учит совершенству и полноте. Будем же искать таких старших, которые нас будут учить своим примером, учить полноте Христовой жизни, чтобы, как сказано в Евангелии, соблюдать все, что Господь повелел нам. Это наша цель – цель и всех тех, кто вошел на Пасху в Церковь и теперь стал полным членом Церкви. Аминь.

Слово на литургии (Деян 5:12-20) Братья и сестры, христиане! Все, что совершалось руками апостолов, все, что писали они и говорили, все это было для того, чтобы все мы веровали, что Иисус есть Христос, Сын Божий, и чтобы веруя мы имели жизнь во имя Его! Вот, всякий, даже не видевший Иисуса, но уверовавший, блажен, по слову Господню! Что значит «блажен»? Это значит – он нашел свое счастье. Люди годы и годы ищут это счастье, и часто до конца жизни, до последней минутки не находят его. То им мешают их страдания, то им мешают обстоятельства, то дела, то страсти. Но счастья нет. Люди мучаются, мучают других, а счастья не находят. И вот Господь говорит, что те, кто даже не видел воскресшего Христа, но принял сердцем Его, кто уверовал, тот блажен, тот счастлив, потому что сердце его открывается и наполняется любовью, благом, которое от Бога. Никто не благ, кроме Бога, – мы это с вами хорошо знаем. Но знать умом одним – мало. Мы это знаем воистину только тогда, когда это блаженство разливается в нас и проходит дальше, когда, обретая мир внутри, в сердце нашем, тысяча спасается и вокруг нас. Мы сейчас слышали из Деяний апостолов, как многие приходили в Церковь, иногда тысячи, в течение одного дня. И может быть, удивляемся. С одной стороны слава Богу и сейчас множество людей стало присматриваться к Церкви, прислушиваться к ее голосу и искать Бога искренно. А с другой стороны, тысячи все-таки не приходят. И сейчас, если вы пойдете куда-нибудь рядом, в «Детский мир», например, вы увидите тысячи людей там, а не в храме Божьем, хотя сейчас время молиться всем, всем, кто считает себя христианином. Почему же так, дорогие братья и сестры? Может, от того, что блаженство, которое нам уготовано, еще не вполне овладело нами? Может быть, в свое счастье мы не впустили свое сердце настолько, чтобы плоды его были бы видны всем, чтобы радость и мир изливались от нас ко всем, кого бы мы не встретили, – близким и дальним, родным и совсем по плоти посторонним? Вот, дорогие братья и сестры, Господь нас очень обрадовал: на

эту Пасху дал нам великое счастье и блаженство. Мы это все чувствовали и вчера, когда завершалось воцерковление, когда омывали знаки мира новокрещеным и новомиропомазанным. Какая радость была! Сейчас многие из них здесь, и конечно, теперь уже как полные члены Церкви, уже не как младенцы. Они часто отличаются большей радостью, чем мы. Но я надеюсь, что все мы будем для них примером, что все мы будем для них теми старшими, которым подобает учить соблюдать все, что заповедал нам Христос. Постараемся никого не забыть, постараемся никого не оставить в муках, постараемся никого не оставить в печали, страдании - настолько, насколько Господь дал нам благодати и радости. И вот, слава Богу, Церковь понемногу начинает собирать своих чад, и хотя, как я сказал, увы, тысячи людей еще идут не сюда, будем надеяться, что не далек тот день, когда эти самые тысячи, рассудив, прислушавшись к голосу своего сердца, к голосу Божьему, придут в храм, и блаженство их будет не от того, что они приобретут с прилавка или под прилавком, а от того, что они найдут счастье в Боге. Вот это блаженство в Боге и проповедуется как радость, как весть для всех видевших и уверовавших. Аминь.

Слово после литургии

С пасхальным воскресным днем, дорогие братья и сестры! Не случайно он называется Антипасха, потому что каждый воскресный день - маленькая Пасха для нас. Это всегда большой праздник. А большой праздник потому, что мы стараемся всегда в этот день собираться в Церковь для совместного служения и причащения. Потому-то это и воскресный день - каждый раз, когда мы с вами причащаемся, мы возвещаем не только смерть Господню, хотя это так - мы возвещаем смерть Господню, но мы возвещаем и радость Воскресения и откровение Царства Небесного, которое внутри и вокруг, посреди нас. Дорогие братья и сестры, пусть сияет это Царство в глазах, душах и делах ваших всегда! И вы знаете, Пасха идет настолько радостная, что в эти дни даже заупокойные поминовения не произносятся, но по русской традиции на десятый день Пасхи, во вторник, все-таки есть заупокойная служба, которая называется Радоница. Само название ее прекрасное - как бы передача радости всем нашим близким, которые ушли от нас, но которые живы в Божьей памяти и нашей памяти. Вот поэтому завтра вечером в 6 часов у нас будет вечерня, а потом панихида, а во вторник утром в 8 часов сначала будет заупокойная утренняя - парастас, а потом - краткая лития. Так что приходите. Можете снова принести яички крашеные, как на Пасху, но уже теперь имея в виду и усопших - наших отцов, братьев. Поминать положено всех в эти дни. Всех, так как Господь призвал к себе всех, так как это один из трех дней в году, когда можно поминать всех - даже самоубийц и некрещеных. Это не литургическое поминовение. На литургии нельзя неверующих и некрещеных поминать. А вот на вечерней и на утренней панихиде можно. В такие дни, во всяком случае. Вот поэтому, братья и сестры, будем с дерзновением распространять радость Воскресения, радость о воскресшем Господе на всех и вся. Аминь. Благодарю всех вас, братья и сестры, за большое терпение. Каждый день вы, многие из вас, приходили в храм, несмотря на работу, несмотря на немощи, несмотря на искушения. У нас было ежедневно больше ста причастников на светлой седмице. Это в нашем-то коридорчике! Я даже удивился, когда мне назвали это число. И сегодня вы все причащались. И слава Богу! Старайтесь жить так, чтобы никогда совесть ваша не подсказала вам, что вы не можете причаститься без особой епитимьи, без особого покаяния. Вот, братья и сестры, старайтесь жить воистину по-христиански всегда, во всем, везде, а если и будет вас какое-то сомнение одолевать или будет в жизни какое-то искушение на вас нападать, помните - Сила Божия выше всего. Если Бог за нас, кто против нас? Никто! Вот поэтому, хотя и немощи всякие бывают у людей, и искушения всякие бывают и будут, помните, что радость Воскресения превосходит все! В древности мученики христианские, как вы знаете, побеждали не только свои мучения и страх перед мучением, но и мучения близких. И побеждали боль, страшную боль от мук именно силой Воскресения Христова. У них была благодать, у них была Любовь, и Господь

утешал их даже там, где, казалось бы, человеку ничего уже не надо. Ну, а мы, слава Богу, таких мучений не испытываем пока, и поэтому, думаю, со всеми искушениями должны справиться. Храни вас всех Господь! Христос воскрес! (Все отвечают: «Воистину воскрес!») Вчера раздавался артос – тот хлеб общий, общинный, который на Пасху выносится, освящается и раздробляется и который является великой святыней – святыней всего года. Его можно употреблять вместе с крещенской и богоявленской водой, тогда, когда почему-то человек должен быть в храме, но не может или по болезни, или еще по каким-то другим причинам. Тот, кто вчера об этом не знал, может сегодня (мы специально оставили немного) подойти и получить его. Те, кто получил артос вчера, а вчера мы много раздавали, пожалуйста, оставьте тем, кто не брал, чтобы всем хватило.

15 апреля. РАДОНИЦА Слово на вечерне Сегодня у нас с вами особая служба – служба, которая не предусмотрена церковным уставом, потому что ее происхождение более позднее, чем то время, когда был составлен наш церковный устав в своей основе. Это чисто русская служба. На Руси появилось несколько специфических родительских суббот, которые по уставу не положены. Дело в том, что Русь приняла христианство как бы в готовом виде. К тому времени, когда Русь приняла христианство, устав церковный уже сложился, и мы воспринимали то, над чем бились, за что боролись православные народы, приняли как бы «на блюдечке с голубой каемочкой». Но не мог великий народ принять лишь раз и навсегда данное, потому что Церковь – живой организм. И Церковь всегда растет, Церковь живет, иначе она не есть Тело Христово. А значит, меняется многое из тех даже хороших традиций, которые были давно. Так у нас с вами и возникли некоторые дополнительные службы, которых в уставе нет. Их довольно много. Я сейчас не буду их перечислять, вы их все в принципе знаете. Среди родительских суббот это прежде всего Дмитровская родительская служба, возникшая в связи с победой святого благоверного князя Дмитрия Донского на Куликовом поле. И вот эта родительская суббота, которая носит специфическое русское название – Радоница. Радоница – от слова «радость». И служба так называется не случайно, потому что входит в период святой Пятидесятницы, которая продолжается, как вы знаете, от Пасхи до Троицы. И вот, если по греческому уставу совсем не положены никакие заупокойные поминовения в это время, то по русской традиции все же вставляется эта служба, которая является символом пасхальной радости, которая распространяется на всех и на вся, на всю Церковь. А мы с вами должны всерьез к этому отнестись и задуматься над тем, а что такое вся Церковь, или Церковь католическая? Не путайте с католической, хотя это одно слово, в русском языке католическая обычно означает «вселенская». Наша православная Церковь – Церковь католическая, вселенская, всеобъемлющая, всеобщая, та, которая приобщена к полноте Духа, к полноте Истины, а значит, к полноте мира и радости. Так вот, что же это для нас с вами значит, дорогие братья и сестры? Это означает очень важную вещь – что мы соединены со всеми теми, кто жив в Боге, в Божьей вечной памяти. Мы соединены с ними живо и действенно, и это означает, что мы соединены не только с теми, кто рядом с нами, кого мы видим, кто жив на земле, но и с теми, кто жив в нашей памяти и, главное, в памяти Божьей, т. е. мы соединены не только с Церковью земной, с Церковью, воинствующей со злом, грехом, неправдой, но и с Церковью, торжествующей на небесах, потому что, помните слова Христа в Евангелии? «У Бога все живы, Бог не есть Бог мертвых, но Бог живых». Он говорит о Себе: «Я есть Бог Авраама, Исаака и Иакова». У Бога все живы, все те, кто нес в себе истинную веру, кто открыл себя к Божьему действию, к действию благодати Божией. Поэтому-то мы и распространяем Пасхальную радость не только на всех живых, но и на тех, в ком мы уверены, что они не умрут в Боге, что они в памяти Его вечно, потому что они приобщились ей Правды ради, Истины ради и Милости ради Божьей. Это и есть вечность. Вот, дорогие братья и сестры, будем понимать, почему ныне наша Церковь раскрывает свои объятия всем, и усопшим – без того, чтобы плакать и рыдать, без того, чтобы печалиться об их судьбе. Мы открываем свои объятия, как Господь, всем вообще людям, в Вере, в Надежде, в Любви, и всего более в Надежде на спасение

всех. Мы не можем творить Божий Суд. Бог Сам откроет конечную правду, Он – Полнота Любви и Истины, и мы поэтому надеемся, что даже те люди, которые почему-то оказались рационально вне Бога или Церкви, в те или иные периоды своей жизни, они, несмотря на все это, может быть, найдут или нашли путь к Богу. И мы о них будем молиться. И о некрещеных, и о тех, кто умер не своей смертью, и о тех, кто умер вне православия, вне церкви, вне христианства. Будем молиться сегодня о всех, потому что так повелел Господь – творить прошение и моление за всех человек. И пусть будет здесь маленький диссонанс, ибо те богослужебные тексты, которые вы сейчас услышите – за упокой, родились, конечно, в замкнутых христианских общинах и обществах. Поэтому они по прямому своему смыслу связаны только с христианской общиной. Но в них есть более глубокий, более универсальный смысл, который, надеюсь, все вы сейчас найдете и почувствуете. Мы должны следовать Христу, а Христос открыл Свои объятия всем. И мы должны просить за всех, а уж дойдет ли наше прошение, исполнится или нет – не нам с вами сейчас судить. Будем исполняться любовью Христовой и исполнять заповедь Христову. Будем желать спасения всем, а уж как тот или иной человек воспользуется этим и как Господь рассудит жизнь каждого человека, повторяю, сейчас судить не следует. Поэтому в записках за упокой без стеснения пишите всех усопших, которые есть в вашей живой памяти. Живая память, память любви, пусть рожденная человеком вне церкви, вне веры, – это та ниточка, которая приводит человека к Богу, Который есть Любовь, Любовь с большой буквы, Любовь всеобъемлющая, полная и вечная. Вот, братья и сестры, пойдем по этому пути, хотя это самый трудный путь – труднее всех путей, известных человеку. Но пойдем по этому пути, чтобы быть истинными учениками воскресшего Господа. Все: Аминь. Христос воскрес! Все: Воистину воскрес!

16 апреля Слово на утрени после Евангелия (Ин 3:16-21) Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа! Братья и сестры, христиане! Что же мы слышали сейчас? И как это уставное евангельское чтение сегодняшнего дня сочетается с той неуставной внешне службой, которая в русской традиции называется Радоница? Мы слышали о том, что Бог так возлюбил мир, что отдал Сына Своего единородного, чтобы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную. Но что, дорогие братья и сестры, значит веровать в Сына единородного, Сына Божьего? Веровать в Него – значит исполниться Его волей, значит исполниться Его Надеждой, Его Духом, Его Жизнью. Поэтому-то и всякий, верующий в Него, не будет судиться, но он уже перешел от смерти к жизни, как говорит нам то же Евангелие от Иоанна. Всякий, верующий в Него, не погибнет, но уже имеет жизнь вечную, хотя может быть, еще не в полноте, хотя, может быть, еще и не в совершенстве, но уже имеет эту радость, этот мир, эту жизнь. Бог возлюбил все Свое творение. Любви Божьей нет лишь там, где есть некая ущербность этого творения, где есть некий недостаток, где есть некое искажение, извращение путей Божьих, правды Божьей в этом мире, лежащем во зле. К сожалению, есть люди, бывает и у нас такое, о которых можно сказать, что они, как иногда и мы, возлюбили более тьму, нежели свет, и потому не идут такие люди, как иногда и мы не идем, на свет. И вот тогда нет в нас Любви Отчей, тогда нет в нас того, что принес нам Сын единородный, Господь наш Иисус Христос. Тогда не можем мы быть названы верующими, имеющими жизнь вечную. Вот этого только и надо опасаться, и поэтому давайте будем пользоваться каждым поводом для того, чтобы раскрылась в нас Надежда и та Любовь, которые открыл нам лишь Единый Господь. Это самое уникальное и самое важное, что есть в нашей вере, что есть в Церкви – откровение Христовой Крестной Любви. Прожить эту жизнь трудно, ее прожить трудно каждому человеку. А чем более человек продвинул в духовной жизни, тем ему еще труднее. И «познание умножает скорбь», как мы с вами хорошо знаем. И тем не менее мы идем по пути этого познания, познания Бога, познания Любви Христовой, хотя тяжелый крест берем еще дополнительно на себя, идя этим путем. Мы это знаем, мы не должны бояться ничего, ибо где Любовь Христова – там Бог, где Христос – там благодать Святого Духа, а где Дух Святой – там и Церковь, где Церковь – там вся полнота Истины и Любви. Хотя мы – Церковь, мы должны понять, что в той

глубине, в какой открылась она лучшим из лучших учеников Христовых, Церковь – Столп и Утверждение Истины, Церковь – Тело Христово, Церковь – великая строящаяся Башня, которая не похожа на Вавилонское столпотворение. Церковь жива, Башня строится, Тело растет, потому что живет. Вот будем и мы живыми камнями, полными единства с другими в этой башне, в этом строении, и поэтому постараемся всем принести радостную весть о Жизни вечной. Всем, кто в нашей памяти, всем тем, кто в нас с вами оставил следы, отпечатки, печати дара Святого Духа. Мы верим, что если человек мог оставить хоть малейший отпечаток любви в нас, значит, в нем эта любовь была, а если была, то и есть. А если есть, значит, не умрет такой человек во веки, и поэтому наши заупокойные поминовения столь живы и действенны. Многие люди не понимают этого. Совсем не понимают. Как же это – если человек за гробом и он ничего уже изменить не может? Как же это – если он ничего уже там не творит и нет за гробом покаяния? А это так и есть. И люди думают, ну, как же тогда за них молиться? Покаяния там нет, исправить жизнь свою уже нельзя. Но неужели все? Человек ушел, и с чем ушел, то и осталось? И да, и нет, дорогие братья и сестры. Потому что нет ни одного человека на земле, который ушел бы совершенно светлым, безгрешным абсолютно. Ибо такой единый безгрешный только Бог и Сын Божий. Но нет на земле и человека, который бы ушел абсолютно черным, совершенно поглощенным злом и грехом. Вспомним Достоевского. Помните его знаменитую луковку, которая может оказаться спасительной для человека в последний день? И она тоже – отпечаток любви. Или тот отпечаток, который оставили в наших думах люди отошедшие, даже, повторяю, если они в худшем виде ушли, так, что не позавидуешь им. Но если есть этот отпечаток, значит есть место надежде, есть место вере, есть место единству любви. Вот это-то и меняет участь отошедших людей, потому что Любовь есть сила Духа, она способна изменить все и победить все в мире сем. Изменить и судьбу, логически предначертанную человекам. Дорогие братья и сестры, эта Вера жива, она не может быть выражена ни в каком догмате, она не может быть выражена ни в каком каноне церковном, но она может быть выражена в Любви. Поэтому мы не боимся смерти. Если мы способны воспринимать любовь от других людей как Любовь свыше, от Бога, значит, есть и для нас надежда, что когда мы отойдем от земли сей, то что-то останется в памяти других, и они, может быть, помянут и нас. Таким образом непрерывное предание Любви сохранится до последнего дня откровения Царства Божия и явления Сына Божьего едиnorodного во спасение всех. Аминь.

Слово после утрени Дорогие братья и сестры, мы совершили пасхальное, первое пасхальное поминовение усопших, и конечно, та пасхальная радость, которая есть в наших сердцах, распространяется сейчас и на всю нашу молитву. Если мы живем этой пасхальной радостью, то и в молитве эта радость не уйдет, она нас не оставит. И при воспоминании тех, кто отошел от нас, мы им несем эту радость. Сейчас мы им дарим ее. Господь милостив, и мы надеемся, что Он не оставит ничего доброго, благого без внимания, как и того хорошего, что было в жизни тех людей, которых мы сегодня поминаем. А коли будет воспоминаться добро, будет воспоминаться любовь, воспоминаться благо этих людей, значит, во благо будет и наша сегодняшняя молитва. Наша соборная общая молитва имеет большое значение и сама по себе. Ну вот, братья и сестры, сейчас уже разрешается и на кладбище ходить. Хотя распространился в нашем народе обычай ходить на кладбище на Пасху, вы знаете, что он совсем не соответствует церковному уставу. Совсем не соответствует, потому что первое пасхальное поминовение в русской традиции – это сегодняшнее, на десятый день после Пасхи. А по уставу, по греческой традиции – вообще на 49-й день, в Троицкую родительскую субботу. Поэтому нужно вам, конечно, позаботиться о том, чтобы могилки ваших близких были в порядке. И да поможет вам Господь. Не все так просто, но постарайтесь, чтобы христианская могила была отражением той радости, которая есть в вашей молитве, в вашем сердце, отражением той любви, того света, которые не оскудеют никогда в ваших сердцах. Аминь.

27 апреля. ОТДАНИЕ ПРАЗДНИКА СВЯТЫХ ЖЕН-МИРОНОСИЦ, СВВ. МЧЧ. АНТОНИЯ, ИОАННА, ЕВСТАФИЯ Слово перед утреней

Братья и сестры! Праздник святых жен-мироносиц начался в прошлую неделю и завершается в субботу. До Троицы каждый праздник начинается в неделю, т. е. в воскресный

день, и завершается в субботу, потому что сегодня вечером и завтра утром уже будет новая неделя – неделя о расслабленном. Дорогие братья и сестры, мы с вами сегодня чтим еще и память мучеников литовских – Антония, Иоанна и Евстафия, тех, которые пострадали в XIV в. от князя. В то время в Литве князь еще был язычником. Их мощи, вы знаете, сохранились в монастыре, в Вильнюсе, в Свято-Духовском монастыре. И очень важно нам знать историю: христианство в Прибалтике стало распространяться через Русь. Лишь позже Прибалтика в основном стала католической. И вот, есть первые мученики литовские, виленские – Антоний, Иоанн и Евстафий, которые были православными. Продолжается праздник Пасхи, так что еще вы видите красные одежды, еще мы друг друга приветствуем словами «Христос воскрес!», друг друга лобызаем с этими словами, еще продолжается пасхальное празднование, и некоторые молитвы Пасхи будут по уставу положены в эти дни. Ну, а служиться сегодня будет субботняя утренняя – простая, без пения славословия, без особого какого-то праздничного торжества. Вот, мы и будем просто молиться.

Слово после утрени Дорогие братья и сестры! В конце, как и всегда, мы пели тропари празднику, которому совершаем службу. Совершали мы сегодня две службы: отдание, как вы знаете, праздника жен-мироносиц и святых мучеников Антония, Иоанна и Евстафия. И вы слушали тропарь. Если вы внимательно слушали, то вполне могли разобрать его содержание, даже если никогда раньше его не читали или не слышали. Вы могли уловить там важные вещи. Эти мученики отверглись земной славы и земного богатства. А им было чего отвергаться, это из житий известно, ибо они были боярами при великом князе Литовском, приближенные к великому князю люди, сидевшие с великим князем за одним столом. И вот трое знатных, образованных, трое молодых людей стали христианами, крестились, и ревностно исполняли закон Христов, а значит, и все то, что Церковь рекомендует своим членам в своем уставе. Это было и внутреннее благочестие, и внешнее благочестие, дорогие братья и сестры. В то время, в XIV в., уделялось большое внимание внешнему благочестию. Не надо думать, конечно, не надо делать тот вывод, что коли было большое внимание внешнему благочестию, исполнению постов, обрядов, правил, значит, внутреннего благочестия не было. Кто бы так подумал, был бы глубоко неправ. Так вот, эти юноши были по-настоящему праведной жизни. После крещения человек получает такие силы, что если только он сам не испортит себе жизнь, он может горами двигать, буквально. Вот было так и с этими тремя юношами, Антонием, Иоанном и Евстафием. Но начались гонения на веру. Великий князь Литовский совсем не хотел принимать христианство, хотя уже вокруг везде были христиане, даже некоторые из его родственников и предков. И вот тогда, зная, что христианин всегда крепко держится своего устава жизни, Литовский князь решил обнаружить, кто христиане в его окружении. И знаете, что он сделал? Он поставил скромную пищу в постный день, то ли в среду, то ли в пятницу, я сейчас не помню. И видит, что трое из его приближенных не просто как бы избегают ее, но вовсе к ней не притрагиваются. И тогда началось, естественно, давление со стороны великого князя. Он стал требовать, чтобы эти юноши были, как все. И кажется, чего особенного он требовал. Ну представьте себе, вас сегодня вызывает господин Горбачев, и вы идете, естественно, благодарите за честь великую, и вам предлагают в среду или в пятницу, конечно, совсем не убогую пищу. А представление о неубогой пище всегда примерно одно и то же у людей. Что вы тогда делаете? Спросите себя об этом, дорогие братья и сестры. Вы, конечно, едите все подряд. Боюсь, что здесь нет ни одного человека, который поступил бы по-другому, причем, прекрасно себя оправдывая тем, что, конечно, это не грех, я же в гостях, да еще у язычника, да еще у правителя. У меня же дипломатическая миссия, я же должен Церковь защищать пред лицом правителя. Ну ладно, уж съем там телячью ножку, ничего, Бог простит за мою великую миссию. Но святые Антоний, Иоанн и Евстафий рассуждали немного по-другому. Они не дотронулись до этой пищи, тем самым выдав себя как христиане. Для них это было еще сложнее, чем нам, ибо там было ясно, что за этим последует. Здесь, в наше время, в худшем случае могут последовать насмешки, пренебрежение, ну что-то в этом роде – не

более. А там было ясно, что цена всему этому – собственная жизнь в расцвете лет. И вот их мучают, подвешивают к деревьям, мучают по-язычески, на виду у всего народа. А надо сказать, большую ярость и злобу вызывает всегда то, что близкие люди оказываются вот такими диссидентами, особенно по отношению к власти имущим. А Антоний, Иоанн и Евстафий были близкими к великому князю, поэтому он совсем не понимал, почему они его не слушают. И очень ревновал, и поэтому сильно их мучил, так как они были его друзьями. И замучил. До смерти. Всех троих по очереди. Так вот, я хотел вам рассказать не просто очередное житие. Сейчас вы все люди грамотные, жития вам рассказывать не нужно, потому что вы взяли книжку – и прочитали. Мы это не делаем. Не рассказываем вам то, что вы можете сами найти и с чем можете справиться самостоятельно. Но зачем же я вам все это рассказал? По очень простой причине – чтобы нам задаться вопросом: а верно ли поступили эти святые мученики? Вопрос законный. Ведь они святые мученики, потому что их мучили за Христа, и они умерли за Христа, и мощи их нетленны, это все верно, так оно и есть до сих пор, это известно. Даже после вскрытия их мощи в начале 20-х годов специально выставлялись в Москве. Был на Тверской Страстной монастырь, как вы знаете. Там и выставлялись их мощи, именно как пример нетления: мол есть настоящие останки, которые нетленны, вот Антоний, Иоанн и Евстафий. Только после второй мировой войны их мощи были возвращены в Вильнюс, а вывезены они были еще во время первой. Так вот, мы должны задаться вопросом: а правильно ли они поступили, что так себя погубили? Может быть, по-настоящему, стоило пойти на небольшой компромисс? Но мы идем постоянно и без всяких мучений на небольшие компромиссы. А тут – дело серьезное. Но стоило ли? Вот давайте рассудим. Мы привыкли внешним благочестием несколько пренебрегать. Это правда. Ну, может быть, от того, что долгое время несколько пренебрегли внутренним благочестием, а не внешним. Это исторически понятная реакция церкви на какой-то перегиб в ее жизни в прежнее время. С другой стороны, наша жизнь столь внешне неустроена, что думать о тонкостях внешнего благочестия бывает иногда сложно. И все же, и все же. Вот окажись мы на месте этих юношей – как бы мы поступили? Или даже не так. Давайте облегчим себе задачу. Как бы мы оценили такое поведение, не с точки зрения того, как бы мы поступили? Бог один знает, как бы мы поступили. А вот как оценить? За это надо похвалить их или все-таки списать этот случай на историческую ограниченность? Мол, их научили так, что христианство есть то-то, то-то и то-то. Хочешь быть христианином – ты должен иметь такую-то веру, поступать в жизни так-то, так-то и так-то. Их так научили, и они оказались верными учениками. Это бесспорно. Но все же само учение, им предложенное, было верным или все-таки не совсем? Вопросы-то на самом деле непростые. Ведь мы знаем, что каждый христианин призван к свободе духа, к свободе, и Господь говорит, что «не человек для субботы, а суббота для человека». И все ритуалы и формы жизни для человека, а не человек для них. И как принцип, я думаю, это бесспорно. Это именно так. Но все мы знаем, что внешнее и внутреннее в духовной жизни взаимосвязано, и связано иногда очень крепко. Когда мы часто идем на компромиссы и пренебрегаем внешним благочестием, от этого часто страдает и наше внутреннее благочестие. И это бесспорно. Приведу вам только маленький пример из истории последнего времени. Вы знаете, наверное, что на этой неделе проходил Съезд православной московской молодежи. И от всех приходов были представители. И от нашего прихода были представители, тем более, что у нас молодежи много. И еще от нашей воскресной школы было два представителя. И от нашего Братства «Сретение» было три представителя. И от нашей Высшей православно-христианской школы было шесть представителей. Покуда в Москве школ общецерковных всего две, от них было представительство по шесть человек: от школы катехизаторов и нашей Высшей школы. Нас было на Съезде около двадцати человек, представлявших наше Братство, его учреждения и ближайšie к нему приходы. И вот три дня шел Съезд. Съезд довольно трудный, с большими прорехами, с большими недостатками, не буду сейчас об этом подробно говорить. Это был съезд, показавший, что уровень подготовки и знаний церковной молодежи очень низкий, чрезвычайно низкий. Ревность о Боге есть, а подготовки никакой нет. И возможности

отстаивать ту истину, которую даже знают, тоже почти нет: никакой собранности воли и ума не наблюдалось. Достаточно было выступить нескольким баламутам, к тому же и не очень церковным, чтобы отнять у Съезда чуть ли не четыре часа просто на пустые разговоры. Но это вопрос другой. Я это к чему говорю вам? Потому что два наших приходских представителя, слава Богу, оказались вполне достойными – староста наш Юрий Захаров и Виктор Котт. Они по-настоящему сидели, участвовали в работе Съезда и понимали, что ситуация плохая, но такая, которую можно и нужно менять, тем более, что я об этом предупреждал всех заранее. Но к сожалению, многие из наших представителей вели себя вот таким образом: захотел – пришел, захотел – ушел, не нравится мне – я повернулся и пошел, ибо есть у меня какие-то свои дела и т. п. Некоторые вообще целые дни пропускали, без всяких на то серьезных оснований. И это как раз, дорогие братья и сестры, прямое свидетельство того, что у нас с вами не хватает этого благочестия, внешнего благочестия, но такого внешнего благочестия, такого внешнего послушания, такой внешней ответственности, которая поддерживает внутреннее благочестие, внутреннее послушание Богу, внутреннюю ответственность. Люди с невероятной легкостью снимали с себя ответственность, даже не думая об этом вовсе, относились ко всему происходящему, как к своему частному делу. Многие, хотя не все, повторяю. Наш собор, слава Богу, здесь вне критики, на мой взгляд, а вот наши ближайшие братья, всем нам любезные, часто вели себя недостойно. И я думаю, что это связано как раз с этим дисбалансом внутреннего и внешнего. Нет гармонии, и оттого – расхлябанность, оттого хаос в жизни, потеря сил, потеря времени и в общем-то не только своего времени и не только своих сил. Когда в Церкви сейчас так мало сил, а так много надо делать, эти вещи становятся общецерковными по своей значимости. Поэтому я так и начал сегодняшнюю проповедь. Задумайтесь над примером святых мучеников. Я думаю, что есть над чем подумать каждому из нас. Здесь, по-моему, тот самый случай приверженности внешнему благочестию, уставному благочестию, который не только оправдан, но который является важнейшим сейчас для нас примером в это время расслабленности нашей, в это время нашей такой вот несобранности и безответственности. И не будем пренебрегать внешним. Конечно, если внешнее начнет подавлять внутреннее – горе нам. Это ясно. Если снова человек перестанет быть господином субботы, если лишь суббота будет над ним господствовать, если лишь устав церковный будет над ним господствовать, если лишь внешнее послушание административным церковным структурам будет над ним господствовать и так далее, и так далее – горе нам! Но горе и если мы будем идти все время на компромиссы с легкостью. Если мы будем идти на компромиссы с властями мира сего, высокими, низкими, разными, со стихиями мира сего – тогда тоже горе нам. Если мы будем пренебрегать принципами жизни нашей, пусть в большой степени внешними, тоже нам горе, потому что сказано в Евангелии: «Кто сотворил внешнее, Тот сотворил и внутреннее». Ценность и того, и другого, таким образом, восходит к Божьему источнику и в нем утверждается. Да, надо знать, когда делать исключения из правил. И можно делать очень много этих исключений. Нет ни одной области жизни церковной, где нельзя было бы делать исключений, кроме этики, конечно, и кроме каких-то важнейших принципов веры, догматических принципов, к примеру, догматических определений, откровений. Это правильно. Но этих вещей очень, очень мало. Их очень мало, тех вещей, которых не сдвинуть без того, чтобы не сдвинуть все со своего места. Но шатать туда-сюда церковь, дом церковный тоже нельзя, недопустимо. Каждое исключение из правил Должно иметь четкое, ясное и полное внутреннее оправдание, убедительное не только для нас самих, но и для Церкви. Можно бы здесь привести очень много примеров и из нашей жизни. Ну, куда далеко ходить? Вот мы, например, служим – нет ни иконостаса, ни того, ни сего, и мало ли чего еще! Можно так делать? Можно. Ведь можно служить и на полянке. И на пенечек положить антиминс и служить. Можно? Можно. Если для того есть серьезные внутренние основания. А они у нас здесь есть. И мы это делаем. Сколь важен вопрос о тексте молитвенном, молитвенных служб! Принципиально важный вопрос – о чинопоследованиях и о точности этих текстов? Правильно, так и есть. Но мы с вами не русифицируем ли, допустим, славянский текст? Русифицируем.

Опасное это дело? Опасное, если это делать безответственно, если это делать невежественно, если это делать нецерковно, если это делать по произволу. Мы стараемся делать не так, ибо понимаем, что очень серьезно то, что мы делаем. Но у нас есть для этого серьезные внутренние основания – даже там, где может быть, можно сделать лучше, чем мы это делаем. Ведь можно иногда. Это должен быть живой церковный процесс и в нем должны участвовать все вы. Вы не должны быть потребителями: что вам сказали – то и есть, что прочитали – то и есть, нравится, не нравится, не рассуждая, понятно или не понятно, могу я участвовать в происходящем или не могу. Вот такого не должно быть! Это дело церковное, всех вас касающееся, когда, например, как много раз я уже вам говорил об этом, вы отвечаете «аминь» или поете «аминь». Вот у нас хорошо: регент всегда обращается ко всем вам, чтобы вы пели все, не замыкаясь в кружке двух-трех человек вокруг него. Он рассчитывает на весь храм, чтобы все могли участвовать, тоже старается донести весь смысл молитвенных песнопений, чтобы он был ясен и по ритмике, и по тексту. Вы должны этим пользоваться. И когда вы поете «аминь», вы берете на себя ответственность за истинность того, на что вы отвечаете «аминь». «Аминь» в переводе означает «истинно». Если же вы не берете ответственность, а просто по чину отвечаете, то горе всем нам! После проповеди, если она, например, не понравилась вам вовсе (вот я сейчас говорю-говорю, может, вы скажете: «Батюшка что-то не то, ерунду говорит»), тогда не говорите «аминь», ради Бога. Промолчите. И если вы все промолчите, я подумаю – либо вы совсем заснули, либо я чего-то не туда пошел. И у нас будет внутренняя связь и в том и в другом случае. Вот это вещи важные. Все в Церкви имеет значение. В Церкви все должно быть исполнено духа и смысла. И все мы должны жить в единстве. В единстве веры, единстве этого духа, и единым смыслом. Это не значит, что когда апостол Павел пишет «имейте одни мысли», все должны иметь одну мысль. Единомыслие – великое благо, но оно касается, естественно, принципов, происходящих из общего духовного настроения, из оснований наших. Хотя и «должно быть между нами разномыслие», как сказано у того же апостола. «И когда есть разномыслие, не касающееся этих принципов, то это очень хорошо, »да откроются искусные «в вере, как говорит далее апостол Павел. Должно быть »разномыслиям", а по-гречески здесь стоит даже слово «ересь». «Должно быть между вами ересям». Только смысл этого слова немножко не тот, какой мы привыкли к нему прилагать. Не та ересь, которая человека от Церкви совершенно отстраняет, от ее духа, от «единства духа в союзе мира», а просто ересь – как особое частное мнение, свое мнение, как то, что переведено в русском тексте несколько описательно как разномыслие. Потому что у нас теперь любят произносить эти слова – ересь, не ересь, но не знают смысла этого слова и забывают то, о чем говорит апостол Павел. «Должно быть между вами ересям», но только таким, которые бы вас не разделяли между собой и не отделяли бы от вселенской, католической Церкви Христовой. Дай Бог нам иметь такую ответственность, дай Бог нам иметь такое дерзновение пред Богом, чтобы мы могли сочетать и внутреннее, и внешнее, чтобы мы могли чувствовать свою подлинную внутреннюю свободу и при этом никогда не творить произвола. Аминь.

Слово на вечерне после паримии (Соф 3:8-15) Братья и сестры, христиане! Вы слышали сейчас чтение, положенное накануне праздника Воскресения Христова, чтение из книги пророка Софонии, одного из двенадцати малых пророков Ветхого Завета. Что же вы слышали, братья и сестры? О чем нам сказал Господь через пророка? Как нам понимать это место? Может, оно относится только к прежним временам? Только к той древности, когда народ Израильский был поработен, требовал освобождения и получил обетование об этом? Если это было бы только так, наверное, Церковь не назначила бы этого чтения под Воскресение Христово. Вот давайте и попытаемся понять полнее, глубже и применительно к нам то, что мы сейчас слушали. Язык пророческий – особый язык, и его надо учиться понимать. Господь говорит: «Ждите Меня до того дня, когда Я восстану», то есть воскресну, ибо восстать и воскреснуть – это одно и то же. Мы одновременно исповедуем великую Истину Воскресения Христова – сейчас идет Пасха, и завтра воскресный день, поэтому не случайно мы сегодня об

этом говорим, и вот, мы исповедуем эту Истину и одновременно ожидаем нового Воскресения Господа во Славе, когда Он явится народу Своему, народу новому. Как явил Себя Воскресший народу ветхому, ветхому Израилю, так же явится Он Израилю новому, Церкви Своей святой. «Итак, ждите Меня до Великого Судного дня, когда Я восстану, воскресну». Воскресну для чего, – говорит Господь? Воскресну «для опустошения, ибо Мною определено собрать народы, созвать царства, чтоб излить на них негодование Мое, всю ярость гнева Моего». Видите, всякое действие Божие, с одной стороны, действие великой благодати, любви и милости, но с другой стороны, для совести всякого честного человека – это суд, «ибо огнем ревности Моей пожрана будет вся земля», – говорит Господь. На всей земле не будет места лжи, не будет места злобе, не будет места греху и злу. «Тогда опять Я дам народам уста чистые», всем народам, которые входят в Церковь святую, «чтобы все призывали имя Господа и служили Ему». Как? Единодушно. В этом воля Божия, дорогие братья и сестры – чтобы все народы призывали имя Господа и служили Ему единодушно. Мы иногда по инерции забываем об этом, дорогие братья и сестры. Мы забываем иногда о том, что нет ни одного человека на земле, который бы не мог склонить колена свои пред Богом, если откроется сердце его Господу. «Из заречных, далеких стран поклонники Мои принесут Мне дары», – говорит Господь. Какие же дары ждет от нас Господь? Дары веры, дары надежды, дары любви, дары свободы, дар Духа Святого, радости, мира, долготерпения. Множество даров и плодов Духа знает Церковь, и все они – для Господа. «В тот день, – говорит Господь, – ты не будешь срамить себя всякими поступками твоими, какими ты грешил против Меня, ибо тогда Я удалю из среды твоей тщеславящихся твоею знатностью, и не будешь более превозноситься на святой горе Моей». Гора Божия – это высота Духа, к которой призывается каждый верующий. Никто на этой горе не должен превозноситься, ни один, какая бы за ним ни стояла история, культура, как бы он ни был интеллектуально, душевно или духовно богат. «Но оставлю среди тебя народ смиренный и простой, и они будут уповать на имя Господне». Вот чего хочет от нас воскресший Господь – чтобы все уповали, надеялись на имя Господне, чтобы знали, что только Господь может вывести из рва преисподнего всякого человека. Народ Божий, «народ смиренный и простой», – что это значит, дорогие братья и сестры? Это – народ, несущий в себе мир, мир, который можно дать и другим людям. Что значит «простой», дорогие братья и сестры? «Простой» – значит прямой, не лукавый. Остатки Израиля не будут делать неправды, не станут говорить лжи, и не найдется в устах их языка коварного, ибо сами будут пастись и покоиться, и никто не потревожит их. Конечно, здесь имеется в виду и прямо Израиль, то есть народ еврейский, но не только, дорогие братья и сестры, потому что всякий народ, имеющий традицию истинного богочтения, также может быть включен в этот остаток. «Ликуй, дочь Сиона! торжествуй, Израиль! веселись и радуйся от всего сердца, дочь Иерусалима! Отменил Господь приговор над тобою, прогнал врага твоего! Господь, царь Израилев, посреди тебя: уже более не увидишь зла». И снова, и снова это относится к тому остатку ветхого Израиля, который остается верным Богу во Христе и становится верным. Но относится и к нам, к нашему народу, дорогие братья и сестры, и для нас великой радостью звучат слова пророка: «Отменил Господь приговор над тобою, уже более не увидишь зла. Господь, Царь твой, посреди тебя». Пока мы еще не везде и не всегда видим исполнение этих слов вокруг нас, да и внутри нас, посреди нас. Но мы надеемся, мы верим, мы знаем, что слово Божье непоколебимо. Исполнится оно. «В тот день скажут Иерусалиму: »не бойся!" и Сиону: «да не ослабевают руки твои!» Вот последнее слово, которое нам надо сегодня услышать «не бойся!» и "да не ослабевают руки твои!". Жить во Христе трудно! Трудно было всегда. Исповедовать Христа трудно. Трудно идти на мученичество, но также трудно всем нам жить во Христе. Жить во Христе – особенно трудно. Но не бойся, и да не ослабевают руки твои, как и сказал всем нам Господь, Который воскрес и Который воскреснет в последний день в душах всех верных, открыв полноту Своего Царства. Аминь.

Слово после вечерни Братья и сестры! Мы с вами совершили вечерню, службу, которая имеет свою особую целостную структуру и особый смысл. И я хотел бы сегодня чуть-чуть вам пояснить или напомнить тем, кто знает, смысл этого богослужения. Та служба, которая сегодня

совершалась, называется великая вечерня. Почему великая? Прежде всего потому, что было чтение Писания. Когда есть чтение Писания, это всегда для нас праздник. Если есть чтение Священного писания Ветхого или Нового Завета, значит, должно быть и пояснение, то, что было и сегодня. Все то, что было до чтения Писания, до того, как мы входили с Писанием и со светильником, это было как бы вступлением, тем, что как бы предваряет, настраивает духовно на молитву, на открытость Богу и друг другу, чтобы у нас были светлые мысли и чувства. Потом идет главная часть вечерни: сначала прокимен, то есть псаломский стих, предваряющий чтение Писания. И он сегодня по смыслу своему, как и всегда в субботу вечером, связан с тем, что читается потом. «Господь воцарился, в красоту облекся» или «в лепоту облечеся» – по-славянски. Вот это то, что говорит нам о Воскресении Христовом. Совершенно не случайно этот прокимен повторяется каждую неделю в субботу вечером, ибо мы каждую неделю празднуем Воскресение Христово. Каждое воскресенье – это маленькая Пасха. После того, как мы прочли Писание, мы постарались вникнуть в его смысл в связи с нашей современной жизнью – церковной и личной. А после этого мы с вами вместе молились на ектеніе. Ектенія означает «прошение», набор разных прошений и о храме, и о людях, и о здравии, и за упокой и т. д. Потом мы пели краткую, но очень древнюю молитву: «Сподоби, Господи, в вечер сей без греха сохранитися нам». И на этом завершилась главная, основная часть этого древнего, очень древнего богослужения. Это богослужение в основе своей настолько древнее, что оно восходит прямо ко временам апостольским. Та молитва, которая пелась в начале его главной, основной части – древнейшая молитва «Свете тихий святых славы...». Вы помните, мы зажгли свечи и выходили со Священным писанием, с кадилом и со светильниками. Это было когда-то началом древней службы. Гаснет свет дневной и когда заходит солнце мы зажигаем светильники. Этот свет нам напоминает о том, что Бог есть Свет. И поэтому мы прославляем Бога как Свет. «Свете Тихий святых славы Безсмертнаго Отца Небеснаго, Святаго, Блаженнаго, Иисусе Христе!» Вот к Кому мы обращаемся как к Свету. Символ этого – те светильники, которые мы выносили. Символ этого – то кадило, которое я подымал, которым осенял вас, и говорил: «Премудрость!», то есть подумайте о той мудрости, которая заложена в этом. Свет обычный, свет естественный, свет огня и благоухание ладана – для нас символ Света Божия и просвещения словом Божиим. Слово Божие – неотъемлемая часть богослужения. Проповедь – неотъемлемая часть богослужения, без которой нет полноценной православной службы. Далее, мы завершили эту основную часть пением «Сподоби, Господи, в вечер сей без греха сохранитися нам». Помните, в начале главной части богослужения в храме зажглись светильники, а в конце ее потухли? Потом началось заключение – спокойное, мирное «исполнение», дополнение, завершение этой нашей с вами общей церковной молитвы. И так, этим и началась ектенія просительная: исполним, или дополним, завершим, по-русски, вечернюю молитву нашу Господу, и далее шел еще целый ряд прошений, которые как бы дополняют ту молитву, которая была в главной части богослужения, в начале службы. После этого – стихиры, то есть духовные стихи, а потом еще несколько молитв, и служба завершается. Сегодня пели, как вы помните, в конце, на так называемых стиховных стихирах, стихиры Пасхи, ибо праздник Пасхи продолжается. И это так не на словах, это отражается в нашем духовном настроении. И стихиры Пасхи звучали так же, как на Пасху: «Да воскреснет Бог, и расточатся враги Его». Вот, дорогие братья и сестры, потом мы завершаем службу отпуском. Отпуст – это возглас, который благословляет вас на исход из храма, тех, кто уже не останется дальше на исповедь или какие-то требы. Отпуст в переводе на русский язык и означает отпущение. Почему часто священники говорят: не уходите со службы раньше времени и приходите вовремя. Лучше на 5 минут раньше прийти, лучше подождать немного, чем опоздать. Почему? Потому что вы тогда чувствуете, когда идет начало, или какое-то центральное ядро или конец, а всякое опоздание и уход раньше времени разрушают эту целостность, эту удивительную гармонию православной службы. Удивительную, потому что в ней есть глубокий смысл. И в то же время мы знаем, как проста служба православная. Не надо даже ничего пояснять, потому что все и так ясно. Однако о чем-то надо подумать. Когда мы возглашаем «премудрость», мы просим вас

вникнуть умом и сердцем в некоторые вещи, непонятные, может быть, непосвященным. Но христианам, всем вам, они должны быть ясны. Вот, братья и сестры, смотрите: могут молиться на этой службе и взрослые, и дети, и пожилые люди, и все в равной степени получают великое назидание, великую радость от того, что мы собрались вместе. И дай Бог, чтобы эта радость не терялась по выходе из храма. Вы вышли – и несите тот свет, который вы прославили в сердцах ваших, в душах ваших, в делах ваших, чтобы всем радостно было от встречи с вами, как с людьми, которые только что были в собрании, в церкви. Будем об этом помнить. Конечно, есть у нас некоторые проблемы. Я не буду говорить о том, что очевидно: с Божьей помощью все тут немного движется, и мы надеемся, что продвинется еще. Но я скажу о том, что нам еще предстоит. Видите, у нас помещение маленькое – один коридор, но тем, кому трудно стоять, здесь можно было бы и сесть. Или – дети. Не страшно, если они в храме свободно себя чувствуют. Конечно, они умеют себя вести, не шумят. Они ведут себя очень хорошо. Но в притворе, за дверями – уже не так хорошо. Они, конечно, требуют какого-то присмотра. У нас так много детей, и вот очень жаль, что среди взрослых не находится почти никогда тех, кто мог бы немножечко присмотреть за ними. Они же выбегают на улицу, там можно и упасть, там можно себе не только шишку набить, а что-нибудь и похуже сделать. Бывают всякие искушения. Иногда дети делают по неведению то, что делать совсем нельзя. Я не буду сейчас приводить примеров, но этих примеров, к сожалению, много, точнее, не много, но они есть. Поэтому хорошо бы нам об этом тоже подумать. Мы в храм идем с радостью, но иногда надо чем-то и пожертвовать. Пусть родители или их ближайшие друзья установят порядок, составят какой-то график. Если вы раз в месяц или раз в два месяца придете в храм для того, чтобы присмотреть за детьми, то, может, вы и пожертвуете где-то богослужением, может почти не услышите и не увидите ничего, но Господь увидит ваше сердце и пошлет вам ту же благодать и радость, хотя по-другому. Присмотреть надо будет не только за своими, но и за всеми ребятами. Посмотреть, как они себя ведут и в притворе, и на улице. Может быть, справится один, а может, два человека. И так, чтобы это всегда было известно, чтобы мы за детей не беспокоились. Здесь, видите, и машины ездят. У нас ограды пока еще нет церковной, и кто-то из детей может разыграться и выбежать на улицу. Мало ли что может быть! И вообще, кто что знает о нашем окружении? Поэтому надо быть осторожными, внимательными. А некоторые люди хотят расслабиться, отдохнуть в храме. Это не совсем то. Молитва – это служение, а значит оно требует усилий. Я не буду говорить сейчас о всех наших проблемах, достаточно тех, что я сегодня назвал. Видите, сегодня я вам немного разъяснил и напомнил смысл православной вечерни, такой ясный, такой замечательный. Я всегда был уверен, что каждый верующий православный человек может и сам разобраться в этом, если служить как следует и если он сам вникает, участвует в богослужении, а не только слушает пение. Тем более, что слушать у нас особенно нечего, хор у нас простой, вы сами этот хор и составляете. Вот вы и пойте, и участвуйте, и не стесняйтесь, и слова учите. Можете смотреть в книжечки, в тексты, мы не возражаем, лишь бы вам было лучше. Напомнил я вам и о том, что мы живем в сложном мире. И поэтому наша христианская, радостная, счастливая жизнь не должна нас уводить, хотя это и трудно, не должна нас уводить от видения этих проблем – и церковных, и личных. Никто пусть не думает, что то, что делается в храме, его не касается. Само собой ничего нигде не делается. Все делается общими нашими усилиями. И мы всегда должны быть готовы к тому, чтобы где нужно и где должно помочь. Храни вас всех Господь. Я поздравляю вас с праздником. Несите сейчас в мир, домой, близким вашим и всем дальним радость, мир, свет и любовь. Аминь. **28 апреля. НЕДЕЛЯ О РАССЛАБЛЕННОМ** Слово на утрени после 4-го воскресного Евангелия (Лк 24: 1-12) Братья и сестры, христиане! Мы с вами помним, что произошло на горе Преображения и сразу после него. Мы помним с вами то, что во время Преображения Господня явились два мужа и беседовали с Ним о исходе Его, о страданиях, о смерти. И с этого момента Господь начал Свое восхождение в Иерусалим, и с этого момента начал готовить учеников к тому, чтобы они уразумели, пусть и не сразу, смысл этого восхождения, смысл Креста и Воскресения. И вот, Господь говорил все время об этом то притчами, то более

или менее ясно. Но ученики не вмещали, да и вместить не могли, покуда еще не имели того дара Духа Святого, который был нужен для того, чтобы сердце загорелось верой, любовью и надеждой. Они лишь готовились, а всякий человек, который лишь готовится, он только на первой ступени, он еще не воспринимает всей полноты, каким бы талантливым он ни был. Так вот, когда пришло время Голгофы, Креста, то ученики бежали. Бежали от страха! И после сидели, страха ради иудейского, взаперти, боялись, что их обнаружат, что их обличат, боялись расправы. И вдруг – весть. Весть о Воскресении. Приходят ученицы Господа, приходят жены-мироносицы ко гробу и получают эту великую весть о Воскресении. И тогда происходит важная вещь. Вестник говорит не просто о том, что Господь воскрес, он им напоминает саму проповедь Господа. И напоминает им писания пророков. И говорит о том, что исполняются великие слова: «Сыну Человеческому надлежало быть предану в руки человеческие, в руки человеков-грешников, и быть распятым, и в третий день воскреснуть». Знамение Ионы пророка дается роду сему. Оно дается. И вот, оно дано. Три дня надлежало быть в земле Господу. Надлежало быть в гробнице, во гробе, и потом быть освобожденным, как Иона пророк Господь шел по пути, предсказанному пророками, по пути, приоткрытому Господом, и это надо было уразуметь. Уразуметь духовно, уразуметь сердцем. А всякое уразумение особенно трудно воспринимается сердцем. Ведь человек приспособлен к жизни в этом мире, и у него есть душевные способности, умственные способности, и благодаря им человек воспринимает какие-то логические связи, ассоциативные связи, слова и образы в этом мире. Но как уразуметь сердцем? Умом – понятно. И все это знают. А как уразуметь сердцем? Мы все стремимся к тому, чтобы наше духовное знание было сердечным. Но кто может сказать, что он все усваивает сердцем? Может быть, и не нужно все, потому что тогда голове будет делать нечего, она атрофируется? Она для чего-то нужна ведь? Но в то же время сердечное познание очень важно. Нужно уметь соединить душевный опыт и духовный. Найти гармонию между ними. И это будет путь к разумению сердцем Истины Божией и Божией Правды. Уразумевать сердцем трудно, дорогие братья и сестры. И очень трудно найти к этому путь, к этой гармонии. Наш духовный опыт как бы рвется из нас и противоречит опыту души, опыту логики, опыту рационального, умственного познания. Так было и у апостолов. Почему они не верили? Табу, наложенное умом, головным сознанием, как бы оказывалось сильнее той духовной интуиции, которая в них уже говорила, но пока слабо. А бывает наоборот: наш ум идет впереди, а сердце молчит, сердце ничего не говорит, не воспламеняется от истины, принятой умом. Это тоже дисгармония, это тоже далеко от совершенства. На это тоже надо обращать нам с вами внимание, когда оно есть. И тот, и другой случай, мною описанный, встречается часто в нашей жизни, встречается в жизни, я думаю, каждого из нас. То ум забегает вперед и отрывается от сердца, то сердце впереди, а ум ничего не понимает, не работает. Вот, дорогие братья и сестры, когда весть о Воскресении пришла, апостолы сначала не поверили. Не поверили потому, что их ум держал их в своих руках очень крепко. Но что произошло потом? Посмотрите, показались сначала апостолам слова этих женщин пустыми. Что значит пустыми? Ну, глупыми до предела, просто разговорами или фантазиями, совершенно ни на чем не основанными, кроме одного: желаемое выдать за действительное. Поэтому и не поверили. Ведь община учеников состояла из мужей братьев, из мужчин, для которых умственное обоснование имеет особое значение. Но сразу после этого происходит нечто – апостолы вспоминают проповедь Христа, начинает действовать их духовное воспитание. А они были воспитаны на пророках и писании. И тогда возникает вопрос: а вдруг правы эти женщины? И тогда Петр, несмотря на это неверие, встает и бежит ко гробу. Он хочет удостовериться – а вдруг? Его любовь, его духовный опыт начинают возрождаться и действовать. И когда он приходит ко гробу, наклоняется, видит только пелены, свитые особым образом, так что невозможно было это имитировать, он увидел нечто, о чем здесь не написано, но что было предельно убедительно для него. Когда распространялась по всему миру слава Туринской плащаницы, вы знаете о ней, тогда многие думали, что мы видим нечто подобное, именно через то, что мы сейчас видим на Туринской плащанице, чего объяснить до сих пор никто не может, несмотря на все сомнения в подлинности ее, несмотря

на данные науки, противоречащие этой подлинности! И тем не менее и объяснить невозможно то, что на ней видно. Может быть, действительно что-то подобное увидел и Петр? Ведь мы же не знаем, как происходит духовное воскресение, восстание в духовном теле. Ведь у нас нет этого опыта, мы же никогда ничего подобного не видели. Не только мы, но и абсолютно все поколения людей перед нами, до Адама. Поэтому нет на то слов, нет понятий. Невозможно выразить то, что мог увидеть Петр. И здесь ничего не сказано. Посмотрите, здесь как бы пробел: Петр просто видел только лежащие пелены, только-то и всего. Ну и что? А для него этого было достаточно. В этой же фразе Евангелие с полной верой нам говорит: «И пошел назад, дивясь сам в себе происшедшему». Значит, пелены были тем развитием событий, были частью того происшедшего, чему можно было удивиться, от чего поразиться. И этого было достаточно, чтобы поверить – и как поверить! Так, как поверил Петр, столп Церкви Христовой. Вот, дорогие братья и сестры! Будем же иметь такую веру, и она будет крепка, она будет целиком заполнять нашу жизнь, если только наш ум и наше сердце будут едины, если они будут облагодатствованы, если они будут обрадованы и просветлены Воскресением Христовым. Аминь.

Слово после утрени Дорогие братья и сестры! Мы встретили восходящее солнце, восходящее в природе, восходящее в душах наших, восходящее на небе. Мы встретили солнце и прославили Бога как Свет. Прославили Воскресение Христово, и радость Воскресения Христова снова и снова утверждается в нас. Дай Бог нам быть свидетелями Воскресения Христова. Это великое слово – свидетель. Свидетель, конечно, вы это знаете, имеет по-гречески еще одно значение – мученик, что значит мученик. Быть свидетелем – значит жить в мире сем не от мира сего. Поэтому так это связалось, связались эти два понятия с древних времен: мученик стал не просто свидетель, а стал свидетель кровью своей. То есть мы в залог этого свидетельства дали саму свою жизнь, и дай Бог нам быть свидетелями, свидетелями Христовыми, свидетелями Воскресения Христова. Потому что только тогда можно достойно пронести свой крест, прожить свою жизнь, и иметь подлинное счастье, подлинное удовлетворение этой жизнью, когда мы свидетельствуем не о себе. Удивительным образом создан человек, создана наша жизнь. Стоит только замкнуться на себе, начать думать в основном только о своих удобствах, о своих делах, как все начинает рушиться, и человек идет все дальше, дальше, дальше, а рушится все больше, рушится и рушится. В крайнем случае, если не при его жизни, то сразу после нее. А когда человек думает не о себе, когда он живет не во имя свое, когда действует не во имя свое, а во славу Божию, и следовательно, во имя добра и истины, любви и справедливости, тогда он становится свидетелем и тогда он обретает всю полноту жизни. Отвергни себя, и получишь все. Так и в Евангелии сказано, как вы знаете: «кто из вас, оставив все на этой земле, не получил бы уже в этом веке, во сто крат больше – и имущества, и родных, и близких». Сама жизнь наша умножается настолько, что становится уже непреходящей, вечной, потому что приобщается к Богу. Показал нам пример того Христос. Он – живой Свидетель для нас, а мы – живые свидетели Его в мире сем. Храни вас всех Господь в этой силе и радости свидетельства во Христе. Аминь.

Слово на литургии после чтения Евангелия (Ин 5: 1-15) Братья и сестры! Мы слышали сейчас повествование о расслабленном, о том, как исцелил его Иисус. Поэтому и эта неделя называется «неделей о расслабленном». Почему же среди столь важных в Церкви послепасхальных недель, когда идет еще этот праздник, когда каждое воскресное евангельское чтение с такой необыкновенной силой утверждает нас в вере в Воскресшего Господа, почему вдруг появляется этот рассказ, рассказ о расслабленном? Вы слышали, что в Иерусалиме было поверье – кто первый войдет по возмущению воды в Силоамскую купальню, тот исцелится. Исцелится, ибо ангел Господень придет, возмущая воду, и исцелит его. И вот, множество людей лежало около этой купели и ожидали возмущения воды. И исцеления там бывали, хотя и очень редко. Кто как объяснял это. Тут Господь подходит к одному из таких расслабленных, то есть паралитиков, по-нашему говоря, и спрашивает его сразу, без обиняков, ясно и просто: «Хочешь ли быть здоров?» Конечно, вы все ведь понимаете, когда Господь что-то делает, он хочет возвести ум и сердце человека к Единому Подателю благ – Господу и подготовить этого человека к вере в Мессию.

Это вера целительна, она исцеляет всякого человека до конца. Но ведь человек прежде чем уверует, этого не знает. Ему надо сначала уверовать, и тогда для него здесь вопросов не будет. Но пока он не верит, что делать ему? Господь говорит расслабленному, слабому, несчастному человеку, больному человеку, расслабленному телом и, судя по всему, не только телом, но все-таки имеющему веру: «Хочешь ли быть здоров?» Тот так же просто Ему отвечает: «Конечно, Господи, хочу, но у меня нет человека, нет помощника, нет того, кто бы помог мне исцелиться». У этого человека не было человека. Он испытывал одиночество. В наше время, когда одиночество становится роком для множества людей, и в молодости и в старости, многие люди его не выдерживают. До чего только не доходят от этой тоски, от этого одиночества. В наше время особенно понятно, когда у человека нет человека. Мы все испытывали и, увы, многие испытывают подобные состояния. Много знакомых, много вокруг людей, а человека рядом мы иногда не видим. И вот, дорогие братья и сестры, Иисус сразу сказал расслабленному: «Вот тебе твое исцеление – встань, возьми свою постель и иди». Сам! И правильно, дорогие братья и сестры, потому что если этому человеку откроется Человек с большой буквы, то ничего больше ему для исцеления не нужно. Никакой купальни, никаких ангелов. Просто встань, бери свою постель и иди. И вот, выздоровел этот человек. Выздоровел, потому что поверил. Простой вопрос был обращен к нему Господом, и он ответил, и по простоте верующего сердца получил все чего желал. Но было это в день субботний. Было это в тот день, который, казалось бы, менее всего подходил для такого рода исцелений, который был, оказывается, неблагоприятен для веры, неблагоприятен для любви, неблагоприятен для исцеления человека Человеком, для веры в Бога и веры в Человека. Для веры христианской, дорогие братья и сестры, ибо наша вера тоже может быть определена как вера в Бога и вера в Человека. И одного без другого не существует. Был этот день – субботний. Люди давно забыли о том, что суббота для человека, а не человек для субботы. И давно уже жили так, чтобы только исполнить предписания – «закон на закон, правило на правило». Исполняли они эту заповедь о соблюдении субботы, исполняли тщательнейшим образом, настолько тщательно, что с водой ребенка-то и выплеснули. И не узнали Человека, не узнали Господа – и осудили Его и того, кто поверил Ему. Начинаются испытания, искушения того человека, который поверил. Ему говорят: «Кто Тот, Кто сказал тебе: »Возьми постель свою и иди? Объяви нам о Нем". Здесь бесспорно – лукавство. Им нужно было знать Того, Кто нарушил, с их точки зрения, закон, Кто беззаконствует, Кто недостойн быть в народе Божьем. И слышат ответ: «Я не знаю». Просто «не знаю, Кто сказал мне, Тот и сказал». Но Иисус не хотел скрываться. Он не хотел, чтобы зло, пугая других, наступало. Как часто в наше время то одно, то другое зло агрессивно наступает. И пугает людей, так что они готовы спрятаться. Или отсидеться в своем уголочке. Пусть там будь что будет, а я посижу пока, я же не знаю, что будет. А ведь страшно. Вышел на свет Божий, и вот ты – под дулом пистолета. Это и наша с вами ситуация, дорогие братья и сестры. Наша, конкретно наша, в том числе здесь, в этом соборе. Не буду пока приводить примеры, но они есть. Так вот, братья и сестры, Иисус не спрятался, а Сам вышел, встретил этого исцеленного в храме и сказал ему: «Вот, ты выздоровел; не грехи больше, чтобы не случилось с тобой чего хуже». Это все, что сказал ему Господь. Но кажется, это почти общее место, трюизм. Не хочешь, чтобы с тобой было плохо, не грехи. Кто из нас с вами этого не знает, дорогие братья и сестры! Но я вас спрошу по-другому. А кто из вас это знает? Кто из вас это знает так, чтобы мы видели это? Почему до сих пор так легко люди идут на грехи, зная, что это грех. Да потому что они не познали этого слова Господня. Вот, дорогие братья и сестры, Господь утвердил этого человека в вере. Он привел этим словом Своим его к покаянию. Вера была и исцеление получил человек, но покаяния еще не было. Радость была благодарная, видимо, была, но покаяния всерьез еще не было. И Господь просто и ясно сказал: «Не грехи». Это означало – друг мой, не грехи, иначе хуже будет, ты же теперь ближе к Богу, тебе больше дано, и с тебя больше будут спрашивать. Ты не можешь жить теперь даже так, как жил прежде. Что прежде могло быть прощено, теперь не простится. Ведь у тебя теперь больше сил, на тебе и большая ответственность. Так Господь утвердил веру. Так Господь воистину до конца

по-божески поступил с этим человеком, несмотря на весь тот риск, которому тот подверг себя сразу, ибо «человек сей пошел и объявил иудеям, что Исцеливший его есть Иисус».Аминь.

Слово после литургии

Поздравляю всех с причастием и желаю вам, чтобы оно для вас было всегда новым и всегда «одним и тем же». Чтобы всегда оно было для нас в обновление души и тела и духа нашего, в обновление Церкви нашей, в обновление мира, в котором мы живем, чтобы мы по-настоящему не могли никогда привыкнуть к этой великой благодати, и в то же время, чтобы мы знали как бы вкус ее. Чтобы мы сознательно шли, зная, куда мы идем и что мы получаем, и что от нас теперь можно ожидать. Ожидать Богу, ожидать ближним. Постарайтесь, чтобы ваши сердца ничто не затеняло, чтобы никакие внутренние тучки не пробегали в ваших душах. Внешних всегда хватает. Внутри же вас пусть всегда сияет солнце Воскресения. Храни вас всех Господь.Аминь.

Протопресвитер Виталий Боровой: Об актуальности богословского наследия отца Николая Афанасьева

Богословие и философия

Исполнилось 100 лет со дня рождения о. Николая Афанасьева, он родился 4 сентября 1893 г. по старому стилю, и минуло 27 лет со дня его смерти - 4, или 17, декабря 1966 г.

О. Николай, как и большинство наших религиозных богословов, и религиозных мыслителей, и философов, ученых первой половины XX века, родился в России, а умер в эмиграции, в изгнании. Вдали от Родины они жили, работали, творили и умирали. Не только с чувством ностальгии и горечи вынужденной эмиграции, но и с чувством долга служения своему страдающему народу и умученной Церкви. С чувством того, что они, по крылатому выражению Зинаиды Гиппиус, не в изгнании, а в послании, чтобы трудиться и готовить лучшее будущее - возрождение и обновление Церкви, общества и государственности в родной их стране. Умирали с крепкой верой и убеждением, что жили они на чужбине не напрасно, что их наследие, творческие труды и идеи вернутся на Родину, станут известными и полезными для строительства новой жизни, нового общества, в них же правда живет. И их посланническая миссия на Западе, и их надежды на возвращение на Родину не оказались напрасными и тщетными. С начала перестройки и эпохи гласности они к нам возвращаются. Их творческое наследие, их труды и идеи становятся известными и являются уже нашим общим достоянием. И входят в органическую ткань современной культурной жизни нашего общества. Первым, и это вполне естественно, еще до перестройки, в 50-60-е годы, вернулся на Родину со своими трудами и идеями вдохновенный пророк «восьмого дня» Николай Александрович Бердяев. Вернулся в трудах и исповедничестве христианского кружка Игоря Огурцова и его студенческой организации. И я думаю, это мое личное мнение, да я и убежден, что Русская церковь будет иметь их как исповедников. Придет время по-настоящему прославить всех, а не выборочно и по политическим мотивам, как сейчас. Придет время по-настоящему прославить тех, кто страдал за Церковь. Я думаю, что одним из них будет Огурцов. И таким образом, Бердяев вернется, и уже вернулся на Родину, в ореоле святости. После Бердяева стали возвращаться и другие: о. Сергей Булгаков со своей большой и малой трилогией, о. Василий Зеньковский со своей двухтомной классической «Историей русской философии», Антон Владимирович Карташев со своими историческими трудами - «Очерки по истории Русской

церкви», «Вселенские соборы» и другие, оба Лосские - Николай Онуфриевич со своей «Историей русской философии» и Владимир Николаевич со своими трудами по мистическому богословию, о. Георгий Флоровский, архимандрит Киприан (Керн) со своей «Евхаристией», «Антропологией Григория Паламы» и «Пастырским богословием», епископ Кассиан (Безобразов) со своими трудами по Священному писанию Нового Завета. И Иван Александрович Ильин с многочисленными трудами о России, о Православии, о сопротивлении злу силою, «Наши задачи» - 2 тома, «Пути духовного обновления», «Аксиомы религиозного опыта» - 2 тома и другие. И Николай Сергеевич Арсеньев, автор многочисленных, очень глубоких религиозных, философских и мистических трудов (когда я говорю о нем, я очень волнуюсь, потому что это мой учитель по Варшавскому богословскому факультету, с которым я был очень близок и который хотел видеть меня своим преемником). И известные нам о. Александр Шмеман, о. Иоанн Мейендорф. Вернулся и Георгий Петрович Федотов с его трудами «Святые Древней Руси», «Христианство и революция», «Новый град», «И есть, и будет», «Размышления о России» и другими. Вернулся Семен Людвигович Франк с многочисленными трудами, в основном из систематического богословия, - «Свет во тьме», «С нами Бог», «Душа человека», «Реальность и человек», «Смысл жизни» и т. д. Вернулся Борис Петрович Вышеславцев с его философскими трудами «Кризис индустриальной культуры», «Философская нищета марксизма», «Христианство и социальный вопрос», «Этика преображенного эроса», «Вечное в русской философии». Я уже не говорю о Николае Михайловиче Зернове, Владимире Николаевиче Ильине, Федоре Августиновиче Степуне, Льве Исааковиче Шестове и о многих других, труды которых возвращаются к нам из изгнания. Вернулся из изгнания и умер исповедником за Христа в мордовских лагерях Лев Платонович Карсавин. Его труды - «Святые отцы и учителя Церкви», «Философия истории», «О началах», «Церковь, личность и государство» и т. д. (Голос мой дрогнул, потому что я вспомнил обстоятельства моей жизни. Когда я организовал Минскую духовную семинарию, там ничего не было, кроме монастыря. Я создавал библиотеку этой семинарии и разыскивал книги для нее. После поездок в Москву, в Киев, в Харьков, в Ленинград, в Ригу я поехал в Вильно, тоже в поисках. И там случай свел меня с женой и дочерью в лагере находящегося Льва Платоновича. И они мне рассказали всю его историю. Часть его книг, немецкая часть, которую не успели взять в литовскую и армянскую Академии наук, находится у меня, я их купил. Да, он вернулся, его труды известны. Я думаю, что это исповедник нашей Церкви). Во славе исповедника, а возможно, и мученика, вернулся к нам из внутреннего изгнания, из Гулага, о. Павел Флоренский. Вернулись из запрета его труды и стали модными в кругах нашей верующей и даже неверующей интеллигенции. Ссылаться на о. Павла Флоренского стало признаком культурности и философской учености. Даже если человек и не читал вовсе «Столп и утверждение Истины», он непременно берет поверхностную подходящую цитату из вторых рук. Ссылаться на о. Павла Флоренского теперь чуть ли не обязательно. Позже всех возвращается к нам о. Николай Афанасьев. Я ведь не напрасно перечислял всех возвратившихся раньше. О. Николая я хронологически поставил в конце не с тем, чтобы показать - вот, мол, такие были. Я сделал это не напрасно, а для того, чтобы у вас возник естественный при таком хронологическом подходе вопрос: а почему наследие о. Николая начинает возвращаться в родную для него страну из изгнания позже других? Это явилось следствием нескольких причин. Во-первых, личная скромность и незаметный стиль кабинетно-профессорского трудолюбия о. Николая, который, будучи всецело предан своему призванию исследователя и эрудита, спокойно и непрерывно трудился даже в самое тяжелое для себя, для науки и для Церкви время эмиграционного неустройства. Да, он был спокойным, даже слишком спокойным человеком. Я знал его - он был на одной из сессий Ватиканского собора, где я был наблюдателем. Это одна причина, его личная. Во-вторых (и, может быть, это самая важная причина), его исследования касались внутренней жизни Церкви, а ее внутренняя жизнь всегда консервативна. Она течет обычным, установившимся столетиями ручьем, а потому не слишком обращает внимание на привычные для всех темы, даже если подход к ним - новый и решение предлагается не

трафаретное, а очень полезное для обновления Церкви, как было у о. Николая. Более обращает на себя внимание и вызывает интерес общественности то, что необычно, что может быть понято как проявление новой системы в богословии и философии, например, пафос свободы и творчества «восьмого дня» у Бердяева, софиология в трилогиях Булгакова, системы русской философии у Зеньковского, мистическое богословие у Лосского, пути русского богословия и критика его у Флоровского, система истории Церкви у Карташева, стилизованная эрудиция православной истины у Флоренского ("Стилизованное православие", помните?) и тому подобное. Все эти глобальные системы богословствования, религиозной философии и историософии Бердяева, Булгакова, Лосского, Зеньковского, Флоровского и Карташева стали очень популярными на Западе и теперь у нас тоже. А между тем богословское наследие о. Николая по своей тематике и новому подходу к решению многих трудных вопросов внутренней жизни для нас в настоящее время является необычайно важным и актуальным. Теперь, когда церковь после падения тоталитарной системы освободилась от подконтрольного и зависимого состояния и перед ней открылись обнадеживающие перспективы и возможности свидетельства о Христе в новом, посткоммунистическом обществе, перед нами остро встали проблемы возрождения и обновления внутренней жизни церкви. И теперь для нас это главное. Было время, когда началось новое наступление на церковь после Сталина при Хрущеве. Было время, когда для нас было очень важно установить как можно более близкие, как можно более широкие контакты с всемирным христианством, со всеми христианскими церквями, чтобы там найти поддержку, чтобы там был сдерживающий для советской власти фактор, препятствующий окончательному уничтожению церкви как организации. А ведь это была цель. Две трети приходов при Хрущеве было закрыто. И цель ведь не была – уничтожить веру как таковую. Ее невозможно уничтожить. Цель была – разгромить организацию перед тем, как войти в тот, так называемый совершенный коммунизм, в который Хрущев верил. А он был верующий человек, верующий по-коммунистически, так сказать, атеистически, марксистски верующий человек. Он верил, что «догоним и перегоним», а в 80-х годах войдем в уже совершенно коммунистическое общество. А как же с попами, с патриархами, с митрами входить в это общество? Ясное дело, надо было внешнюю организацию разгромить, как при попытке Сталина в 30–40-е годы. Это была первая такая попытка. Война приостановила эту попытку, акт разгрома. Хрущев хотел довершить это. Конечно, будут группы верующих, всякие там старушки, пусть они будут, а церковь как организация – такой не будет. И вот тогда было главным любой ценой удержать организационную структуру, костяк церкви. Тогда было важно сношение с Западом как сдерживающее начало против окончательного разгрома. Внешние сношения, конечно, как всегда, важны, но теперь они вовсе не самые важные. Теперь для нас самое важное, как быть или не быть, как вопрос о жизни или смерти, это вопрос о возрождении и обновлении, вопрос о том, сумеем ли мы провести христианизацию нашего нового общества, установим ли мы диалог и понимание с новой интеллигенцией, с молодежью, с новым поколением. Те, кто верит, те и умрут верующими. Они крепкие. А ведь миллионы людей воспитаны без веры и против веры. Установим ли мы с ними контакт? Это для нас самое главное, поэтому вопросы внутренней жизни Церкви сейчас наиболее актуальны. Сношения же с кем бы то ни было можно поддерживать, они уже установлены. При обсуждении вопросов о возрождении и обновлении церкви в высшей мере полезны труды о. Николая, поражающие богословской, канонической эрудицией автора и вдумчивым, беспристрастным, спокойным анализом канонической практики и канонического сознания древней Церкви. Это надежное и авторитетное пособие для современности, пособие при обсуждении этих вопросов. Ведь не случайно о. Николай с о. Василием Зеньковским и Вышеславцевым в 1952 г. обдумывал серию «Православие и современность». Да, он был кабинетным ученым, но там, в кабинете, он писал и думал о современности. И это было полезно и необходимо для современности и православия. Он понимал, что это надо, что это как основа, значит надо. Ведь не случайно о. Николай обдумывал эту серию и сразу же написал для нее исследование о Трапезе Господней. Это было началом его евхаристической экклезиологии. И в 50-х же годах – работу «Служение мирян в

Церкви». Эта тематика уже предварялась в его статье «Народ святой» (в «Православной мысли» в 1948 г.). Так, в трудах о. Николая возникла евхаристическая экклезиология, т. е. учение о Церкви как евхаристической общине. Евхаристическая экклезиология стала очень популярна на Западе и у православных, и у католиков, и у протестантов. Все ссылаются на это экклезиологическое богословие, но не все ссылаются на о. Николая, и мало кто сейчас вспоминает об о. Николае как о его создателе. А случилось следующее, я свидетель тому. Популярная во всем мире евхаристическая экклезиология сейчас в основном связывается с именем греческого богослова, митрополита Пергамского Иоанна (Зизиуласа), моего коллеги по Всемирному совету церквей. Я его хорошо знаю. Так вот, Зизиулас в своих трудах и статьях сначала использовал богословие о. Николая, а потом развил его идеи в цельную систему евхаристической экклезиологии, и эта система связывается на Западе с именем Иоанна Пергамского после защиты им докторской диссертации «Единство Церкви в Евхаристии и епископ в первые три века», опубликованной в Афинах в 1965 г. Он написал ее за год до смерти о. Николая. У Зизиуласа потом было издано много статей и книг на эту тему, вплоть до его последней книги, которая вышла в 1985 г. Уже после смерти о. Николая на Западе появились статьи и даже диссертации о нем, но это уже после смерти, когда уже было поздно. Все же знают про евхаристическую экклезиологию Иоанна Пергамского (Зизиуласа). Итак, появились даже статьи и диссертации. С двумя из них я знаком. Первая принадлежит поляку, католику Михаилу Казовскому – «Евхаристия в экклезиологической системе о. Николая Афанасьева», опубликована в Лувене в 1976 г. Автор второй, на немецком языке, – Петер Планк. Она называется, как у Афанасьева, – «Евхаристическое собрание как Церковь» (1980 г.). Недавно появился даже французский перевод работы о. Николая Афанасьева «Церковь Духа Святого». Но все же на Западе евхаристическая экклезиология о. Николая менее известна, чем богословие Зизиуласа. Здесь еще будет даже доклад об этом. Владыка Пергамский – выдающийся богослов. В английском издании своей книги о богословии он много ссылается на труды о. Николая Афанасьева, хотя их на Западе мало знают. У нас же знают об этом и того меньше. А между тем кризисные процессы хаоса и распада в нашей внутрицерковной жизни угрожают единству Русской православной церкви, заставляют всех нас, кому дорого единство и будущее нашей церкви, вплотную заняться обсуждением тех канонических, пастырских, литургических и экклезиологических вопросов, которые подняты, проанализированы и освещены в богатом богословском наследии о. Николая. Теперь, желаем мы того или нет, все мы будем вращаться в круге проблем, о которых писал о. Николай Афанасьев. Может быть, у нас подход будет другой, может быть, решения не во всем будут совпадать, учитывая нашу реальность, наш новый опыт. Канонические основания самих этих вопросов исторически не незыблемы, и практика может быть разная. В трудах о. Николая вдумчиво и объективно представлена каноническая жизнь и самосознание древней Церкви по этим вопросам. Так что для нас сейчас наследие о. Николая Афанасьева очень важно при обсуждении проблем, связанных с возрождением и сохранением единства церкви. Сейчас сложилась ситуация фактически как в 20-е годы: три, если не четыре, украинских православных церкви, грекоунииаты сейчас объединяются; три, если не четыре «Русские» церкви – так каждая из них себя называет; группы зарубежной церкви, которые пытаются здесь внести раскол; группы так называемой катакомбной, свободной и другой церкви. Я уже не говорю о таких совершенно диких явлениях, как Богородичный центр, Белое братство и т. д. Для нас сейчас главный вопрос – единство, единство поместной церкви, вокруг иерархии, единство евхаристической общины как святого народа – мирян, духовенства, епископата. Богатый материал для канонических и богословских обоснований этого единства можно найти в «Трапезе Господней» (1952 г.) о. Николая. С этим связан и вопрос о значении служения мирян в Церкви. Этому посвящены специальные исследования 50-х годов и статьи, например, «Народ святой», а также отдельные главы труда «Церковь Духа Святого»: первая – «Царственное священство», вторая – «Поставление мирян», лаиков, как он называет, третья – «Служение мирян», служение в области священнодействия, церковного управления и

учительства, четвертая глава посвящена особому служению апостолов, евангелистов, пророков и учителей. Во всех этих исследованиях о. Николая, трактующих служение мирян в церкви, мы можем найти полезные данные для стимулирования и корректирования роли мирян в нашей церкви. Например, вопрос о братстве, братствах, за который ответственность несет иерархия – в каждой церкви, не только такой, как православная, основанная на канонических структурах. В каждой церкви, даже в так называемой свободной протестантской церкви (баптистов, адвентистов, пятидесятников, имже несть числа), в любой из них, которые отрицают всякие каноны, всякое устройство, которые понимают, что означает «епископэ», т. е. попечение о Церкви, но не имеют епископов. Я уже не говорю о Католической церкви. В Католической церкви бесчисленное множество сильных, дееспособных, активных мирянских организаций, куда входит интеллигенция – врачи, профессора, даже спортсмены. И у протестантов есть все это. Но никогда не бывает так, что когда начинается что-то в церкви, сама церковь, власть церковная, пускает это на самотек, не интересуется тем, что же там делается, а потом растет, и местные лидеры, местные такие епископчики (это значит те, которые могут руководить, и это настоящие епископчики, потому что они умеют организовать дело) постепенно берут всех в свои руки, и оказываются эти организации при церкви, а не в церкви. И тогда не возьмешь их голыми руками. Не ты их можешь отлучить, а они тебя могут отлучить, как сейчас случается в нашей даже самой высокой иерархии, включая чуть ли не Патриарха. А когда ты начинаешь потом что-то делать, то оказывается, что уже поздно, надо идти на борьбу. А борьба в церкви, революция в церкви, и разделение – недопустимы. Епископэ, попечение, необходимо сначала, необходимо братское, отеческое, внимательное, пастырское водительство, с тем чтобы люди шли правильным путем. У нас много людей, обладающих и энергией, и умом, и способностями организовать. Есть ведь великолепные у нас люди! И они должны найти применение, им надо дать дорогу, чтобы они нашли применение, правильное, полезное для них и для Церкви. В трудах о. Николая можно много найти канонических обоснований служения мирян в Церкви. Потому что основа Церкви – миряне, не Патриарх и пресвитеры, все вместе взятые, а вы, миряне. Поэтому служение их как в древней Церкви, как в сознании древней Церкви оно формировалось, очень полезно и для нас. И это нужно иметь в виду, при обсуждении создавшегося критического положения в жизни церкви при обсуждении современных наших условий. Конечно, раньше это надо было делать. Это напоминает ситуацию с Ельциным, Руцким и Хасбулатовым. Раньше нужно было принимать демократические, без танков, меры, а не пускать все на самотек. Думали, что уговорами можно что-то исправить. Когда начинается паралич власти, где бы то ни было – в обществе, государстве, в Церкви, до добра это никогда не доводит. Потом приводит к борьбе, а потом – поздно: или надо задавить кого-то, и ты будешь виновен, что ты задавил, а не задавил – так задавят тебя. Поэтому в этом отношении служение мирян в Церкви – для нас острый вопрос. Я не напрасно говорю «служение». О. Николай правильно обосновал служение мирян, ссылаясь на древнюю Церковь. Это ведь было настоящее служение – участие в священнослужении, участие в управлении, участие в учительстве, не в ущерб священным полномочиям епископов, а наоборот, в полной гармонии с ними. А впереди у нас – организация христианской молодежи. Союз братств уже есть, а еще будет сестричество, и другие еще будут. Будут! В истории какой церкви, неважно как она называется и какой она конфессии, известен случай, чтобы в правление входили члены совершенно противной церкви, отрицающей и священство, и полномочия этой церкви? Почему в Союз братств входит представитель так называемой Зарубежной церкви? Он, может быть, очень милый человек и, может быть, полезный человек. Везде такие люди есть, это же наши братья, кровь от крови нашей, и такие же православные, как и мы. Но как организация, которая начисто отрицает каноническую правомочность Московской Патриархии, участвует в работе организации Московской Патриархии? Где же такое видано? Я, не напрасно для себя, большую часть своей жизни был наблюдателем и в Риме, и во Всемирном совете церквей, и во всем мире. Я научился наблюдать, понимать, анализировать события и делать выводы. И я давно бы погиб в страшном противостоянии двух этих стен, которые тебя тут же раздавят,

когда они сближаются. Я и сейчас читаю, и наблюдаю, и вижу, что делается. В Союзе молодежи уже есть двое таких, из-за рубежа. Я хотел бы, чтобы кто-нибудь из наших, даже наиболее симпатичных, поехал туда. У нас ведь есть люди, которые думают совершенно так, как и Зарубежная церковь, есть даже более чем стопроцентные зарубежники. Я хотел бы, чтобы они поехали туда и сказали: «Вот мы, знаете, более зарубежные, чем вы. Давайте мы станем членами вашего правления». Хотелось бы посмотреть, что из этого получилось бы. Дальше, о евхаристической экклезиологии. Единство поместной Церкви как евхаристической общины требует правильного понимания церковных канонов, канонического сознания Церкви. Это очень важный вопрос. Анализу этих вопросов посвящены исследования и статьи о. Николая: «Каноны и каноническое сознание» (приложение к «Пути», N 33, 1939 г.), «Неизменное и временное в церковных канонах» ("Живое предание", 1937 г.), «Границы Церкви» ("Православная мысль", 1949 г.). В настоящее время наше каноническое сознание как необходимая основа церковной жизни помрачилось, исказилось. Исказилось вследствие частого смешения неизменной сути канонов, основополагающих для православной экклезиологии, неизменной их сути, с административно-временными предписаниями, регулирующими возникающие в определенное время и в определенных обстоятельствах конфликты и неясные церковные вопросы Византийской церкви того времени. И случаи те давно исчезли, и причины те давно тоже исчезли. Церковь ведь никогда ничего не берет с потолка. Церковь – живой организм. Она не выдумывает каноны только для того, чтобы новое придумать. Нет. Это бывает только в ответ на возникшую ситуацию, на возникший вопрос. Начинаются трудности, конфликт, осложнение, запутанность в церковной жизни – Церковь своим правилом регулирует это, разъясняет это в соответствии с канонами, который говорит: надо поступать так-то. Правильный этот канон? Конечно. Можно ли бороться против этого канона, сказать, что это не есть догматическое основание Церкви, это же не лежит в основе экклезиологии, это же временное? Нельзя! Потому что в то время это было правильно и нужно, но потом изменились условия, исчезло все. И если вы читаете сейчас, например, Книгу правил и апостольских постановлений или что-нибудь подобное, то вы встречаете там такие названия, которых давно уже нет, и вы даже не поймете, что они означают. Потому что ситуация в жизни коренным образом изменилась. Но суть церковного подхода осталась прежней. Поэтому тот, кто отрицает каноны, их суть, тот, собственно говоря, отрицает основы устройства Церкви, и того надо действительно исключить, потому что если отрицать это, то, значит, отрицать и Церковь как живой организм. Но если кто-то буквально применяет эти каноны сейчас, то и этого делать нельзя. Почему? Потому что условия в Церкви изменились. Примените каноны VI – VII века сейчас, к изменившейся ситуации и вы увидите, что все неканоническое. А между тем, от канонов отказываться никак нельзя. Основы канонического сознания Церкви вечны. Они лежат и в основе нашей экклезиологии. Отрицание их – это даже не раскол, это ересь. Очень важно избегать такого смешения. В настоящее время, время конфликтов и разделений в общественной и церковной жизни лицемерные ссылки на различные каноны, часто не имеющие никакого отношения к спорному вопросу, стали повсеместной практикой. Такое злоупотребление часто является следствием невежества. Просто человек не разбирается, и это диктуется его искренней заботой о чистоте православной веры. Ведь очень часто многие такие люди – очень искренние и благочестивые. И ими движет забота о Церкви. Надо уважать такое чувство. Это святое чувство. Надо человеку просто разъяснить, в чем суть, что он прав, если заботится о Церкви, и о ней волнуется, и беспокоится. Он прав, но только нужно объяснить ему, в какой степени он прав. Если то, что с Церковью происходит, и то, чего он боится, – правда, то Церковь, конечно, должна применить этот канон. Но в этом необходимо разобраться. Однако часто такое злоупотребление ссылками на специально подобранные, нужные для данной полемики каноны является следствием сознательной злой воли. Самое лучшее решение подобных вопросов – сказать такому человеку: «Ты не православный, ты идешь против канонов. Докажи, что ты не слон, докажи – почему». В слово «православный» он ведь вкладывает совершенно другой смысл, нежели на самом деле есть. Он вкладывает свое понятие в

Православие, чаще всего -обычное фольклорное понятие, и оно расходится с тем, что он видит, допустим, у ученых, которые знают, что такое настоящее Православие. Вот и получается, что он не православный. Тогда начинается то, что сейчас происходит у нас, – война канонов, война канонами. Не танками, не пушками в церкви, а канонами. Я думаю, вы все читали церковные документы, связанные с расколами не только сейчас, но и раньше, в 20-30-е годы. Ни одна воюющая сторона еще не признала: «Мы виноваты. Мы нарушали каноны. Мы исправимся». Каждая сторона, нарушает она их или нет, находит соответствующие каноны, которые, как пушки, выдвигает против другой стороны. И в этой войне никто никогда не бывает победителем. Ибо такая манипуляция канонами и такое искажение их экклезиологической сущности приводят к тому, что все спорящие стороны оказываются так или иначе неканоничными, нарушителями тех и других специально подобранных канонов. А между тем, очень важно уметь различать каноны: неизменяемые, которые являются основополагающими в учении о Церкви, нарушить их никто не имеет права, и те, которые являются административными, регулирующими возникшие споры. В этом отношении очень ценны труды о. Николая. В войне канонами все стороны, увлекаясь, забывают, что Христианство – это не только откровение Истины, но и откровение Любви, как и все Православие. Наследие о. Николая Афанасьева может принести большую пользу. Оно как зеркало. Ведь о. Николай не знал нынешних расхождений. Он писал о древней Церкви. Он не был заинтересован ни в одной из спорящих сторон. Каноны не только отражают и регулируют внутреннюю жизнь церкви, они определяют также отношение православных к инославным христианам. Здесь возникает вопрос о границах Церкви. Сам о. Николай активно участвовал в экуменическом движении, в работе Всемирного совета церквей, в диалоге с англиканством, в работе общества святого Албания и преподобного Сергия, присутствовал на II Ватиканском соборе. Он питал глубокое уважение к папе Павлу VI, с которым общался во время собора. О. Николай посвятил памяти Иоанна XXIII проникновенную статью «Una Sancta», опубликованную в католическом швейцарском журнале в 1963 г., а в сборнике, изданном в 1960 г., напечатан его этюд «Церковь, которая председательствует в любви». Этот этюд, имевший большой успех в ватиканских кругах переведен на три языка. Вопрос о границах Церкви и для нас сейчас очень актуален. Мы являемся свидетелями того, что сейчас маятник качнулся в другую сторону. Это нормальный закон истории. Так всегда бывает. Было бы иллюзией считать, что коммунизм изжит и коммунисты изжиты. Теперь невероятная волна так называемого антикоммунизма. А люди в основной массе не понимают ни того, ни другого. Не знают, ни почему надо быть против, ни почему надо быть за. Когда в истории начинается качка, все кидаются в одну сторону. Сейчас качнулось в эту сторону. Конечно, в этом виновны и мы – Церковь. Отчасти без вины виноваты, отчасти и с виной виновны. Когда Русская церковь вступила во Всемирный совет церквей, собственно говоря, никто не знал, почему она вступает, куда она вступает, зачем она вступает? Тогда это было естественно. Была система такая, что нельзя было говорить на эту тему. Потом страшное время, хрущевское, кончилось, и брежневское кончилось, пришел канун перестройки, и тогда тоже нельзя было еще. Церковь не имела средств массовой информации. «Журнал Московской Патриархии» совсем для этого не служит. Теперь у нас нет привычки в церкви объяснять народу что-либо. В церкви объясняют только богослужение, благочестивый образ жизни и т. п. Но я говорил иерархии, что если нельзя всем и везде, то есть же все-таки студенты семинарии, академии, молодые священники, духовенство Москвы, с которыми можно общаться и которым надо разъяснить и показать все документы. Не просто благочестивый итог, а документы: как было и что это такое было. Но иерархия у нас ведь прежняя, как говорят, «советская». Это чепуха, что советская, советская она в том смысле, что в советское время родилась. Но у нас иерархия старорежимная. Наши молодые епископы, я их очень хорошо знаю, от чего были бы счастливы? Если бы был обер-прокурор. Только чтобы этот обер-прокурор не был Куроедов или Харчев, и коммунист, и неверующий, а если уж нельзя, чтобы очень верующий, то хотя бы, как Львов какой-нибудь или Саблер, официально верующий, а в сущности маловерующий. И говорил бы, что надо делать, и все в порядке, все в порядке.

Поэтому наша иерархия верила – народ пойдет за нами, хотя мало знает, но пойдет за нами. А началась перестройка, хлынула гласность другого духа. Вся Москва и вся Россия залита пропагандистским материалом антиэкуменической Зарубежной церкви и крайне правыми изданиями. Везде, куда ни повернешься, это есть, а у нас – ничего. Народ стал читать: действительно, страшно, какой-то Запад, какие-то непонятные Всемирные советы церквей. А вдруг это масоны? А вдруг это что-нибудь еще? А иерархия по своему обычаю молчит. Почему? Потому что думает: пережили, переживем, будем молчать, переживаем и это. Может, они и правы. Вопрос об экуменическом движении – это серьезный вопрос. Его придется нам обсуждать потом, по-настоящему обсуждать, потому что православные церкви не только участвуют, но по требованию православных церквей был основан Всемирный совет церквей. По требованию Константинопольской патриархии. Как это было? Я изучил женевские архивы, относящиеся ко времени кануна войны. Там есть письма Патриарха Тихона, который является сейчас авторитетом у нас, с благословением экуменического движения и с обещанием, что Русская церковь будет участвовать в нем. Там есть заявление двух обер-прокуроров Священного синода накануне революции – Саблера и Львова, что Русская церковь будет участвовать в экуменическом движении. Там есть заверение митрополита Платона Одесского. А Русская церковь не могла участвовать. В 20-х годах знаете, какое у нас было положение. И тогда Платон Одесский произнес великие слова: «Наша церковь сейчас больна телом, умом и душой. И мы сейчас не можем участвовать. Но как только выздоровеем, обязательно примем участие». И сейчас про нашу церковь можно сказать – она больна телом, умом и душой, потому что начались расколы, как тогда. Тогда было обновленчество, «Живая Церковь», григорьевцы, иосифляне, и все друг против друга. А пользовалась этим безбожная коммунистическая власть. Сейчас у нас начались расколы: украинцы-автокефалисты и Зарубежная церковь, катакомбники и все прочие, а пользуются этим сейчас не атеисты, а неправославные церкви. Тьма миссионеров нахлынула, и они пользуются тем, что наша церковь находится в таком положении. Пользуются как только могут. Вот я сегодня в газетах прочел и сказал: «А, это мне знакомо уже». Группа юношей приехала из Рима, с ними некто Шереметьева, кажется, – одна из перешедших в католичество, их несколько, Поснова в Бельгии и Альберти, и они сейчас работают среди православных. И вот, десять или двенадцать наших 13–14-летних юношей поедут в католический монастырь в Германию, где они будут воспитываться, чтобы стать в будущем католическими священниками. И они, русские православные юноши, согласились с этим, и родители согласились, потому что самое главное то, что они будут на Западе жить. И они уже там. Первые дни им казалось очень тяжело – дисциплина. А потом оказалось, что это очень хорошо, и их крестят, как будто бы они некрещеные. Вот это метод! Я священник, и мне нельзя вербовать, но неплохо было бы спросить одну из этих женщин: «А ты не поехала бы к нам? Мы заплатим за это». И тогда я вспомнил о. Александра Кулика. Когда я был наблюдателем на Ватиканском соборе, у меня был переводчик белорус, католик о. Александр Кулик, который стал моим другом. И он говорил мне с горечью: «Я -янычар». Он рассказал свою историю: семья железнодорожников, многодетная, голод в России, приехали они из Белоруссии. Вернулись. Отец умер. Мать больная. Нечего есть. Католическая церковь предложила взять детей на воспитание. Мать и отдала его. Очень интересное и полезное для всех нас рассуждение о подлинной киновии и участии в евхаристическом собрании общин верующих в церкви приведено у о.Николая в третьей главе «Трапезы Господней». Евхаристическая экклезиология включает также вопросы современного возрождения церковной жизни, как и литургического возрождения, требующего обсуждения вопросов о неизменяемости и изменяемости исторически сложившихся отдельных элементов в нашей литургической практике – при неизменности литургического уклада нашего церковного благочестия, основанного на верности апостольскому и святоотеческому преданию. Но исторические элементы, которые вошли потом, подлежат обновлению или нет? Сюда относится и вопрос о понимании богослужения верующими, т. е. вопрос о понятном языке, о календаре, об усилении миссионерского воздействия красоты и благолепия нашего

богослужения не только на верующих, но и на так называемых приходящих в церковь иногда, просто интереса ради. У меня нет больше ни времени, ни возможности указывать на богатство и актуальность богословского наследия о. Николая. Скажу лишь, что всем нам предстоит еще серьезно изучать это наследие и учиться у о. Николая, как служить Церкви в совершенно новых условиях ее существования, служить Церкви, сохраняя всецело верность православному, апостольскому и святоотеческому преданию. Нам предстоит в церкви настоящее обсуждение. Если не будет обсуждения, то через 10 лет мы превратимся в гетто, может быть, большое гетто, пусть даже миллионы людей будут, но закрытое, где люди живут своей богослужебной жизнью и никакого влияния ни на общество, ни на культуру не имеют и никак не свидетельствуют тем, кто еще не христианин, неверующий. А таких миллионы. И тогда за нас это сделают другие миссионеры – католики и т. п. Нам предстоит такое обсуждение. Только надо, чтобы оно проходило в духе братского понимания, без полемики, без взаимных обвинений, без задора, с привлечением только настоящих богословских аргументов. И это, несомненно, принесет большую пользу Церкви.

: Афанасьевские чтения

Богословие и философия

Международная богословская конференция, посвященная 100-летию со дня рождения профессора-протопресвитера Николая Афанасьева, Москва, 4-6 октября 1993 г. Несмотря на объявленное в Москве в начале октября 1993 г. чрезвычайное положение, Московская высшая православно-христианская школа по благословию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II провела назначенную на 4-6 октября международную конференцию, посвященную 100-летию со дня рождения известного православного богослова, экклесиолога, профессора-протопресвитера Николая Афанасьева. Единственным изменением было перенесение заседаний из Киноцентра, расположенного в непосредственной близости от центра мятежа – здания Верховного Совета, во Владимирский собор б. Сретенского монастыря. На конференции присутствовали более 100 человек, в том числе представители российской и зарубежной прессы. Среди участников конференции были сын о. Николая д-р Анатолий Афанасьев, д-р Михаил Сологуб, о. Франсуа Эве (Франция), доктор богословия, профессор-протопресвитер Виталий Боровой, академик Сергей Аверинцев, ректор Московской высшей православно-христианской школы священник Георгий Кочетков и представители других духовных учебных заведений Москвы – Свято-Тихоновского богословского института, Общеизвестного православного университета им. о. Александра Меня, Российского Православного Университета, а также клирики и прихожане московских и подмосковных храмов и монастырей, православных приходов Франции, Великобритании и США, гости из Дании и Словакии. Главной темой конференции была евхаристическая экклесиология о. Николая Афанасьева и ее связь с церковными проблемами современности. В докладах освещались экклесиологические споры в Русской православной церкви в начале XX века, богословие последователя о. Николая митрополита Пергамского Иоанна (Зизиуласа), вопросы Предания древней Церкви, перспективы и проблемы развития православной экклесиологии, особенности традиции веры вне церкви, литургическое богословие в иконописи и т. п. Духовное наследие о. Николая Афанасьева высоко оценено всеми участниками конференции. Дискуссия послужила толчком для последовательного развития ряда его тезисов, в частности, о границах Церкви (несовпадения ее мистических, сакраментальных и канонических границ). Тексты докладов и материалы дискуссии в настоящее время готовятся к печати. Ниже мы публикуем некоторые из них.

Митрополит Иоанн Пергамский (Зизиулас): Поместная церковь с точки зрения Евхаристии

Богословие и философия

(православный взгляд)

Профессор Иоанн Зизиулас - с 1985 г. митрополит Пергамский Константинопольского Патриархата. Преполагает богословие в King's College (London) и на богословском факультете университета в Салониках. Первый раз был в России в 1987 г. В своих экклезиологических работах развивает многие идеи о. Николая Афанасьева. В основу публикуемой статьи положен главный тезис экклезиологии о. Николая - Церковь есть евхаристическое собрание в своей полноте. Эта тема особенно значима сейчас, когда так много искажений в восприятии Церкви и внутри ее самой и со стороны внешних. Предлагаемая вниманию читателя статья напечатана в «Вестнике русского западно-европейского патриаршего экзархата» (№ 97-100, январь-декабрь, 1978, с. 35-48). Затронутые в ней проблемы обсуждались на конференции, посвященной наследию о. Николая Афанасьева.

I. ИСТОРИЧЕСКАЯ И ЭККЛЕЗИОЛОГИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

1. Основополагающий экклезиологический принцип, на котором покоится понятие поместной церкви в православной традиции, предполагает отождествление Церкви с евхаристической общиной. В основании православной экклезиологии лежит мысль: где совершается Евхаристия, там и Церковь в своей полноте как Тело Христово. Понятие поместной церкви вытекает из того, что Евхаристия совершается в данном месте и соединяет в своей кафоличности всех членов Церкви, живущих в нем. Смысл поместной церкви выражают два составляющих единство экклезиологических принципа: а) **кафолическая природа Евхаристии**, т. е., каждое евхаристическое собрание должно включать всех членов Церкви данного места без различия возраста, профессии, пола, народа, языка и т. д. б) **географическая природа Евхаристии**, т. е., евхаристическое собрание, а через него и Церковь, всегда представляет собой общину конкретного места * (в посланиях апостола Павла - Фессалоникийская, Коринфская). *В посланиях апостола Павла для указания на поместную церковь используется также выражение «в одном месте». Значение этого оборота проистекает из представления, что Церковь «проживает» в некотором географическом месте как «пришелец» (paroikos). Это тесно связано с эсхатологической природой Евхаристии, которую мы косвенно затронем в дальнейшем.

2. Сочетание этих двух экклезиологических принципов объясняет те правила канонов, согласно которым в данном месте может быть только одно евхаристическое собрание. Однако географический принцип неизбежно побуждает к изучению вопроса: что нужно понимать под «местом» и как возможно установить границы конкретной территории, которая должна служить базой единственному евхаристическому собранию и тем самым одной Церкви? Этот вопрос приобретает особое значение, если учесть некоторые исторические обстоятельства развития первоначальной Церкви. Поскольку в экклезиологическом и каноническом плане православная традиция формировалась под воздействием этих исторических факторов, мы должны кратко их рассмотреть. а) С наступлением новозаветной эпохи выявляется тенденция отождествлять *ekklesia*, или *ekklesia tou theou*, с собранием христиан данного города. В частности, изучение посланий апостола Павла привело нас к заключению, что термин «*ekklesia*» почти без исключений стоит в единственном числе, когда он относится к какому-то

одному городу, и всегда – во множественном, когда речь идет о большем географическом пространстве, чем город. Если здесь мы сталкиваемся не просто со случайностью, то можно задать вопрос: почему апостол Павел никогда не пользуется термином «церковь» во множественном числе, говорят об одном городе? Приняв во внимание ту конкретность, с которой слово «ekklesia» употребляется в посланиях апостола Павла в качестве принятого обозначения собрания верных (см., например, 1 Кор 10-14), можно сделать вывод, что существовало только одно собрание такого рода и что оно называлось «ekklesia». Иначе говоря, из этого необходимо заключить, что наиболее древний известный тип поместной церкви есть церковь одного города и что конкретной формой этой «одного города церкви» было собрание, включающее всех христиан этого географического пространства. Христианство, видимо, возникает как церковь города, и если мы верно интерпретируем имеющиеся у нас источники, такой она должна была быть по крайней мере до середины II в.* Если свидетельство Иустина в его «Первой Апологии» (гл. 65) означает, что христиане деревень за пределами Рима на евхаристическое собрание отправлялись в воскресенье в город, то оказывается, что, несмотря на материальные трудности, подчеркнутый Игнатием Антиохийским принцип – одна Евхаристия при одном предстоятельствующем епископе в одном месте, по всей видимости, соблюдался даже в такой значительной церкви, как Римская церковь II в. Так было до тех пор, пока в селах у христиан не появились свои епископы (хорепископы). Первые свидетельства об этом относятся ко II в.

б) Первая трудность, связанная с принципом «Церковь – (Евхаристия) – город», исторически возникает вместе с понятием *kat' oikon ekklesia* (домашняя церковь). Если это выражение действительно обозначало Церковь, построенную на базе единства посемейному признаку, мы оказываемся перед определением поместной церкви, осмысленной вне географического принципа, перед социологическим представлением «места». Я уже предпринимал анализ этой проблемы*, и здесь могу только повторить свои выводы. Термин «*kat' oikon ekklesia*» в Новом Завете обозначает не семейное собрание, но скорее собрание всех верных города у кого-то на дому, куда они сходились по приглашению (ср. Рим 16:23 и археологические свидетельства о церквях, названных по именам владельцев домов в Риме и т. д.). Можно было бы даже пойти дальше и утверждать, что в то время, по всей видимости, в каждом городе** существовал только этот тип «домашней церкви». Если эти выводы верны, то они позволяют объяснить, почему не видно никакого следа главной трудности, проистекающей из существования «домашних церквей» в то время, когда складывалась первоначальная Церковь. Эти домашние церкви и само название этого института исчезли довольно рано, не оставив никаких свидетельств, позволяющих представить какое-то положение дел как альтернативу отождествлению древней поместной церкви с церковью города.* Подробнее см. в моей книге «Единство Церкви в Евхаристии и епископ в первые три века», 1965 (греч.).** Свидетельства, которыми мы располагаем, не вполне очевидны, но надо заметить, что совершенно явно обнаруживается только один случай, когда выражение «домашняя церковь» появляется более одного раза по поводу одного и того же города

в) Другое событие, последствия и выводы из которого для понятия поместной церкви являются еще более важными, произошло в организации древней церкви. Это – возникновение прихода в его сельских и городских формах. Детали этой исторической ситуации не затрагивают нашей темы***. Но, тем не менее, для понимания поместной церкви в православной традиции чрезвычайную значимость имеет ответ на вопрос: можно ли в действительности определить приход как поместную церковь? Его сложность вытекает из двух основополагающих моментов.*** Подробный анализ этой сложной исторической проблемы можно найти в моей книге упомянутой выше.

1). Экклезиологический принцип отождествления Церкви с Евхаристией, точнее с

евхаристической общиной. Поскольку приход бесспорно является евхаристической общиной, то его почти невозможно не назвать «*ekklesia*».

2). Епископское служение. Главная функция епископа в православной церкви заключается в председательствовании на евхаристическом собрании. Все литургические и канонические элементы рукоположения епископа отражают положение дел в первоначальной церкви когда в каждом евхаристическом собрании, – и шире – в каждой Церкви одного города, был один епископ (все имена епископов в древней Церкви с эпохи Игнатия Антиохийского относятся к одному определенному городу). Такой епископ был окружен **коллегией** пресвитеров (впрочем, он сам был одним из пресвитеров) и долгое время назывался пресвитером (ср. св. Ириней). Возникновение прихода разрушило эту структуру, и это разрушение должно было затронуть не только служение епископа, но и пресвитеров. Поскольку с этого времени Евхаристия, чтобы быть осуществлением поместной церкви, перестала нуждаться в присутствии пресвитеров как коллегии, коллегии, которая составляла самый существенный аспект изначального значения пресвитериума. Теперь достаточно было самостоятельного пресвитера, чтобы создать и возглавить евхаристическое собрание – приход. Но может ли такое собрание называться «Церковью»?

Что касается Православной церкви, то исторически она дала на этот вопрос отрицательный ответ. Я лично считаю это благом по следующей причине: создание прихода как пресвитеро-центрической единицы, не в изначальной и экклезиологически верной форме, которую мы смогли бы определить как «имеющую центром пресвитериум», а в смысле самостоятельного пресвитера, действующего как глава евхаристической общины, серьезно повредило экклезиологию в двух отношениях. С одной стороны, оно разрушило образ Церкви как общины, в лоне которой все чины необходимы как конституирующие элементы. Приход, в том виде, как он распространился в ходе истории, сделал излишней как функцию диакона, так и функцию епископа (позднее, с появлением частных месс, он сделал излишним само присутствие мирян). С другой стороны, это обусловило взгляд на епископа скорее как на администратора, чем как на председательствующего на евхаристическом богослужении, и на пресвитера как на «специалиста по мессам», «жреца», что на Западе повлекло за собой церковный упадок в Средние века и хорошо известную реакцию – реформацию, а также серьезную путаницу в канонической и церковной жизни в среде Восточных церквей.

Вот почему необходимо рассматривать собственный экклезиологический статус прихода как одну из самых фундаментальных проблем экклезиологии и на Западе, и на Востоке. Православная церковь, по моему мнению, определилась в пользу той точки зрения, согласно которой понятие поместной церкви гарантируется епископом, а не пресвитером: поместная церковь как единство, обладающее экклезиологическим статусом, есть епископальный диоцез, а не приход. Тем самым Православная церковь неосознанно пошла на разрыв со своей собственной евхаристической экклезиологией, ибо впредь стало невозможно отождествить каждое евхаристическое собрание с поместной церковью. Но в то же время выбор этой позиции оставляет надежду на восстановление общинной природы поместной церкви, поскольку в соответствии с этой природой поместная церковь может называться «*ekklesia*» только тогда, когда она действительно кафолична, т. е. когда она включает (а) laikов, принадлежащих ко всем культурным, языковым, социальным и другим слоям населения, проживающим в данном месте, и (б) все другие чины Церкви в качестве членов той же общины. И можно надеяться увидеть наступление того дня, когда епископ обретет свое истинное место, место председательствующего в евхаристическом богослужении. Этим будет подобающим образом преодолен разрыв в евхаристической экклезиологии, порожденный проблемой «приход – диоцез».*.* Практически единственным удовлетворительным решением было бы создание малых епископальных диоцезов. Это было бы превосходно во многих отношениях.

Например: а) это дало бы епископам возможность реально знать свою паству, а пастве – своих епископов, что автоматически улучшит пастырские качества епископата; б) это сократило бы тяготы административных забот, которые сейчас возложены на епископов, что позволит им действовать прежде всего как председательствующим на Евхаристии, в их главном служении; в) это сделает возможным коллегиальному характеру пресвитериума вновь обрести свой чрезвычайно значительный экклезиологический смысл, которым он обладал в древние времена (см. *synthronon* древних соборных храмов), что усилит сильно ослабленное положение пресвитера, особенно в Православной церкви; г) это сделает ненужным поддержку скандально неканонического института «заместителей» епископа, который представляет собой новое западное вторжение в православную традицию. Древняя традиция отчетливо свидетельствует о существовании малых епископальных диоцезов. (Когда Григорий Чудотворец стал епископом Нео-Кесарии, у него в диоцезе было всего 17 верных!).

3. С развитием в древней Церкви системы митрополий и – постепенно – системы патриархатов центр поместного единства перемещается из епископального диоцеза в более обширные географические объединения, охватывающие диоцезы провинции под председательством епископа столицы этой провинции. Становление этой системы, в современном православии имеющей чисто номинальный характер (некоторые епископы именуется «митрополитами», но в действительности их метрополия как таковая уже не существует, исчезнув вместе с древними византийскими или римскими провинциями), не внесло существенных изменений в понимание поместной церкви как ее тождества с епископальным диоцезом. Система митрополий, развившаяся в тесной связи с синодальной практикой в древней церкви, представляла собой «окказиональную»*, или «вынужденную», форму «локализации» церкви, совпадавшую с собраниями синодов. Поскольку принцип равенства по существу всех епископов между собой стал основополагающим элементом православного канонического права, никакой митрополит и никакой патриарх никогда не занимал и позиции главы особой церковной единицы, представляющей над- и околоцерковные структуры епископального диоцеза. Постоянные синоды в Православных церквях существуют, но они никогда не считались отдельными церковными «телами», которые могли бы называться «поместными церквями». С появлением в Византии пресловутой теории пентархии в православии была установлена система, в соответствии с которой вся «экумена» была разделена на пять частей (патриархатов). Но вопреки попыткам некоторых современных представителей православия присвоить патриархатам наименование «поместной церкви» принцип равенства между собой всех епископов с точки зрения их экклезиологического статуса еще раз сделал невозможным превращение патриархата в церковную сущность**. * Ситуационно обусловленную, сложившуюся на данный случай. – Прим. пер. ** Я по-прежнему убежден, что в Православной церкви церковный статус любой иной ее части, кроме епископального диоцеза, имеет свой источник не в ней самой, но берет начало от епископального диоцеза или диоцезов, к которым она имеет отношение. Это действительно, как мы уже видели, не только для единиц меньших, чем диоцез (например, приход), но и для больших. Так, ни метрополия, ни архиепископия, ни патриархат не могут сами по себе называться церковью, но могут ею быть только при расширительном употреблении термина, т. е. в силу того факта, что они опираются на одну или несколько поместных епископальных диоцезов-церквей, которые являются единственными организмами, имеющими подлинное право называться церквями в силу «епископичности» Евхаристии. Это означает, что и митрополит, и патриарх обязаны своим статусом тому факту, что каждый из них является главой одной из поместных церквей.

Завершая этот исторический экскурс, необходимо упомянуть понятие автокефалии, которое сегодня особо отличает Православную церковь. Принцип автокефалии покоится на современном учении о нации в том виде, в каком оно мало-помалу выкристаллизовалось, главным образом, в прошлом веке. По этой теории Православная церковь каждого народа

управляется своим собственным синодом без какого бы то ни было вмешательства какой-либо другой церкви и имеет своего собственного главу (патриарха, архиепископа или митрополита). В современном состоянии богословской неразберихи, которая господствует в православии, «поместными церквами» называются в основном эти автокефальные церкви. Это часто создает для единства, называемого «автокефальная церковь», возможность так поглощать епископальный диоцез, что он оказывается полностью отставленным в сторону либо постоянным синодом, либо главой автокефальной церкви, хотя ни тот, ни другой не всегда реально представляют все диоцезы – поместные церкви территории, о которой идет речь*.* Чтобы избежать превращения автокефальной церкви в объединение, извлекающее свою церковность из самого себя, а не из епископальных диоцезов, к которым оно имеет отношение (см. предыдущую сноску), необходимо, чтобы глава каждой автокефальной церкви был окружен синодом епископов этого региона. И синод должен быть представительством всех епископальных диоцезов региона. Во всех случаях, когда позволяют обстоятельства, все епископы либо одновременно, либо в порядке ротации должны входить в такой синод.

II. ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО БОГОСЛОВИЯ ПОМЕСТНОЙ ЦЕРКВИ

1. Церковность и поместность

Выражение «поместная церковь» содержит два смысловых аспекта, которые не следует рассматривать изолированно. Первый аспект – поместность, второй – церковность. И если брать оба аспекта вместе, то постоянно возникает вопрос: что делает церковь «поместной» и что делает поместное единство «Церковью»? Не всякое собрание христиан автоматически является «Церковью», и не всякая церковь обязательно «поместна». Если мы рассмотрим этот вопрос с точки зрения евхаристической экклезиологии, то придем к следующим констатациям:

а) Церковь поместна, когда реальность спасения Христова укоренена в местной конкретной ситуации со всеми ее природными, социальными, культурными и прочими характерными особенностями, которые составляют жизнь и мысль народа, населяющего это место. Как в Евхаристии народ приносит Богу как Тело Христово все, что «Его» (плоды земли, плоды своих повседневных трудов), так должно быть и во всем, что составляет жизнь церкви, если она действительно поместна, – она должна усвоить и использовать все особенности конкретной ситуации данного места и не навязывать чужую культуру.

б) Если это усвоение и использование местной культуры может сделать церковь поместной, то это совсем не означает ее превращения в Церковь. Реальность спасения Христова не наступает лишь ради того, чтобы утвердить человеческую культуру. В равной степени она ее обличает*. Какие стороны культуры должны быть исключены поместной церковью из усвоения и использования, если она должна быть не только поместной, но и Церковью? Ответ на этот вопрос зависит от богословия, которое в целом принадлежит нам, и оттого, что мы признаем первостепенно важным в христианской вере. И если допустить, что евхаристическая перспектива играет здесь решающую роль, то критерии церковности могут быть сведены не более чем к тому, что изложено ниже.

Евхаристия является тем моментом жизни Церкви, в который совершается предвосхищение эсхатона. Анамнесис Христа должен пониматься не как простое повторение прошлого события, но как анамнесис будущего**, как эсхатологическое событие. В Евхаристии Церковь становится отражением эсхатологической общины Христа, Мессии, образом Троицкой жизни Бога. В рамках человеческого существования это означает прежде всего преодоление всех разделений, природных и социальных, которые поддерживают существование мира в состоянии дезинтеграции, распада, разложения и в конечном итоге смерти. Так или иначе все культуры причастны этому падшему и разделенному миру, и как следствие – все они содержат

элементы, которые должны быть трансцендированы. Если церкви при осуществлении своей поместности, не удастся явить образ Царства, это не Церковь. Точно так же, если евхаристическое собрание не являет собой такого образа, то это не Евхаристия в истинном смысле***. Это подтверждается тем, что Крещение предшествует Евхаристии. Мир не может стать Церковью, не пройдя некоего очищения.

** См. размышления И. Иеремии в его «The Eucharistic Words of Jesus» по поводу Нового Завета. Древние литургии (например, св. Иоанна Златоуста и св. Василия) в точности сохраняют ту же интерпретацию анамнесиса, когда в них вспоминается не только минувшие исторические события спасения, но и Второе пришествие. Воспоминание будущего – важнейший аспект Евхаристии.*** Если состоится Евхаристия, допускающая дискриминацию по происхождению, полу, возрасту, профессии, социальной принадлежности и т. д., это будет изменой не отдельным этическим принципам, а ее эсхатологической природе. По этой причине подобная Евхаристия будет не «плохой» Евхаристией, т. е. морально ущербной, она не будет Евхаристией вообще. О ней невозможно будет сказать, что она есть Тело Того, Кто собирает в Самом Себе всех. Сохраняя дух этих экзистенциальших критериев, мы можем уточнить постановку вопроса: какую конкретную форму должна принять поместная церковь, чтобы быть одновременно и «поместной», и «Церковью»? На этом этапе главными становятся следующие структурные элементы.

1. Когда в данной местности оказывается более чем одна культура, что характерно для многих плюралистических обществ, церкви следует предпринять усилия, чтобы дойти до каждой через миссионерскую деятельность, максимально используя различные культурные элементы в проповеди Евангелия. Чтобы эту задачу выполнить, вероятно потребуются образование для углубления понимания Евангелия группы и объединения лиц, относящихся к одной и той же культурной среде. Впрочем в равной степени это касается и пастырской деятельности, а не исключительно миссионерской. Точно так же для удовлетворения потребности людей, работающих за пределами их места жительства, группы могут формироваться так, чтобы проповедь Евангелия не отрывалась от той или иной профессиональной, интеллектуальной или социальной ситуации.

2. Необходимо предусмотреть, чтобы эти группы или объединения, организованные с учетом определенной культуры, класса, профессии, возраста, научились не рассматривать себя как Церковь. Их нужно научить стремлению к познанию опыта Церкви только в том собрании, где все возрасты, помы, профессии, культуры и т. д. приходят к единству. Именно это, согласно Евангелию, составляет Царство Божие: место, где сняты все природные и культурные разделения. Если понимать Евхаристию как собрание эсхатологического характера и никак иначе, этот опыт должен быть сохранен исключительно за ней. Если только Церковь отражает в самой своей природе то эсхатологическое предназначение, точный образ которого представляет собой Евхаристия, только это собрание можно назвать Церковью. Другие собрания не лишены связи с Церковью и Евхаристией: они являются продолжением реальности Церкви. Но им не хватает элемента кафоличности, который пробуждает в памяти эсхатологическую природу и Церкви, и Евхаристии. Их ни в коем случае нельзя назвать Церковью.

3. Этот подход к понятию церковности поместной церкви отводит географическому фактору поместности преимущество над другими аспектами «поместности», такими как культура и профессия. Ибо географическое «место» может служить общей территорией для встречи разных культурных и других элементов *epi to auto*, «в одном месте», согласно обороту, который столь исполненным смысла образом употреблен в Новом Завете в отношении Церкви и Евхаристии как выражение географической поместности. В этой перспективе географический

фактор поместности оказывается необходимым элементом понятия поместной церкви.

4. Коль скоро необходимо превзойти природные и культурные различия, нужно установить служение для реализации подобного поместного единства. Пусть это служение называется епископским или как-то иначе, это не меняет богословия поместной церкви. Ввиду того, что мы только что сказали, действительно необходимым кажется, чтобы это служение было связано (а) с предстоянием на евхаристическом собрании и (б) с конкретным географическим пространством. Только если соблюдены эти два условия, функция епископа может иметь смысл в экклезиологическом плане*. Другие служения в поместном единстве (пресвитериум и дьяконы) становятся существенными в соответствии с «типологией» эсхатологической общины, при этом «типология» рассматривается как богословски основополагающая**. Но, безусловно, и объединение народа Божьего в его тотальности (все «местные» аспекты) является необходимой формой структуры поместной церкви. Ибо именно это доказывает «кафоличность» Церкви. Без той или иной формы «соборности» нет поместной кафоличности.

* Эти два условия неизменно уважались в древней Церкви. Православные же церкви в своей жизни и практике серьезно ими пренебрегали, даже почти забывали о них в некоторые эпохи.

** В первоначальной Церкви обязательный элемент экклезиологического сознания состоял в том, чтобы иметь служение, представляющее апостолов, окружающих Христа и «судящих двенадцать колен» Нового Израиля. Это то, что породило служение пресвитеров (ср. Игнатий Антиохийский). В той мере, в какой это сознание по-прежнему живет в Церкви, институт пресвитеров становится необходимым в структуре поместной церкви.

2. Поместность и вселенскость

Из только что сказанного следует, что понятие «кафоличности» Церкви не должно быть чем-то, рядом положенным с поместностью: скорее надо говорить о ней как об обязательной стороне поместной церкви, высшем критерии церковности всякого поместного организма.

Вселенскость, тем не менее, есть понятие другое, которое безусловно можно противопоставить понятию поместности. Как понятие вселенскости может затрагивать наше понимание поместной церкви?

Евхаристия по природе превосходит не только разделения, существующие внутри местной ситуации, но даже и то разделение, которое неотъемлемо от географии как таковой, – разделение мира на пространственные части. Как Евхаристия, которая не преодолевает разделений, возникающих в данном месте, не будет истинной Евхаристией, так и Евхаристия, которая состоится при сознательной и преднамеренной изоляции и отделенности от других поместных общин в мире, не будет истинной Евхаристией*. Из этого неизбежно следует, что, во избежание редукции поместной церкви к поместности, она должна пребывать в полном общении с остальными поместными церквами мира.

* Детальный анализ см. в моей книге «Евхаристическая община и кафоличность Церкви» ("Истина", 1969, N 1, с. 67 и далее).

Поместная церковь находится в полном общении с остальными поместными церквами, только если:

а) проблемы и заботы всех поместных церквей становятся предметом молитв и активной ответственности конкретной поместной церкви. Если поместная церковь впадает в безразличие к тому, что происходит в остальном мире, то несомненно, не может быть и речи о Церкви;

б) между данной поместной церковью и остальными поместными церквами существует некоторое общее основание в видении и понимании Евангелия и эсхатологической природы Церкви. Это требует постоянной бдительности со стороны каждой поместной церкви по отношению к истинной вере во всех поместных церквах;

в) для облегчения этого общения учреждаются какие-то структуры. Этот пункт требует некоторых дополнительных пояснений.

Если поместность церкви не должна поглощаться и тем более уничтожаться кафоличностью, необходимо максимально позаботиться о том, чтобы избежать превращения структур и служений, способствующих общению между поместными церквами, в надструктуру, господствующую над поместной церковью. Очень знаменательно, что на всем протяжении исторического пути Церкви никогда не было предпринято ни одной попытки установить надпоместную Евхаристию или надпоместного епископа. Любая Евхаристия и любой епископ носят поместный характер, по крайней мере, в своем изначальном значении. При евхаристическом взгляде на Церковь это означает, что поместная церковь, как она была определена выше, является единственной формой церковного бытия, которое, собственно, и возможно назвать Церковью. Всякая структура, нацеленная на осуществление вселенскости Церкви, создает сеть церквей, пребывающих в общении, а не новую форму Церкви**. Это подтверждается не только историей, но и опирается на прочное богословское и экзистенциальное основание. Любая структурная универсализация Церкви, доходящая до создания церковной единицы, называемой «вселенской церковью» и представляющей собой нечто параллельное или существующее над поместной церковью, неминуемо введет в идею поместной церкви культурное и другие измерения, которые будут чужды конкретному местному контексту. Культура не может стать всеобщим монолитным феноменом, избежав при этом демонического превозношения одной культуры над другими. И невозможно более грезить о «вселенской христианской культуре», не отрицая диалектику исторического и эсхатологического, что входит в сердцевину самой Евхаристии. Итак, если на вселенском уровне культурные разделения могут быть преодолены, к чему Церковь действительно должна постоянно устремляться, это может произойти только через поместный уровень, выраженный в конкретных поместных церквах и через них, а не через структуры универсализации, подразумевающие существование некоей вселенской церкви. Ибо вселенская церковь как некое единство наряду с поместной церковью будет либо церковью культурно развоплощенной, поскольку не существует ничего похожего на универсальную культуру, либо, если она благословит конкретную культуру или прямо или косвенно навяжет ее миру, ее культурное воплощение будет демоническим.** Этим не отрицается, что Церковь в мире только одна. Но тот факт, что в мире должна быть одна Церковь, еще не означает, что она представляет собой некую структуру рядом с поместными церквами или над ними. Любому церковному общению во вселенском плане следует извлекать свои формы из реальности поместной церкви. Не случайно по православному каноническому праву в синод входят только епископы диоцезов. Любая форма вселенского церковного общения должна иметь в качестве базы поместную церковь.

Таким образом, все церковные структуры, созданные, чтобы способствовать общению между поместными церквами (синоды, соборы всех видов и т. д.), на самом деле обладают определенным церковным значением и всегда должны рассматриваться в свете экклезиологии. Но они не могут считаться формами Церкви, поскольку это связано с серьезными опасностями, на которых я только что кратко остановился.

3. Поместная церковь в ситуации разделения

Современная ситуация в Церкви, кроме прочего, серьезно осложнена еще и тем, что наше

понимание поместной церкви стоит в контексте конфессионального разделения. Понятие Церкви как конфессионального единства (православные, англикане, лютеране и т. д.) является исторически недавним явлением, своим возникновением до крайней точки осложнившим церковную ситуацию. Ибо наряду с культурным плюрализмом на местном уровне мы теперь оказываемся перед лицом конфессионального плюрализма. Можем ли мы провести здесь параллель и приложить то, что уже было сказано по поводу трансцендирования за пределы культуры, к конфессиональному плюрализму? Можем ли мы сказать, что, как Евхаристия собирает иудеев и эллинов, мужчин и женщин, черных и белых, она должна равным образом собрать англикан, лютеран, православных и т. д., живущих в каком-то определенном месте? В действительности это то, к чему привела бы практика межконфессионального причащения. Возражения православных по поводу этой практики хорошо известны, и я не намерен повторять здесь те же самые аргументы. Я хотел бы просто поднять два вопроса, касающиеся природы поместной церкви:

а) Имеет ли право конфессия *per se* считаться Церковью? Если условие церковности должно быть нераздельно связано с условием поместности, то ответ будет категорически отрицательным. Церковь должна воплощаться в народе, а не в идеях или верованиях. Конфессиональная церковь – наиболее развоплощенная вещь, которая только может быть. Именно поэтому ее содержание обычно заимствовано из той или иной существующей культуры и не является местной реалией, которая критически усваивает все культуры.

б) Может ли поместная церковь считаться истинно поместной и истинно Церковью, если она находится в состоянии конфессионального разделения? Это чрезвычайно тяжелый вопрос. Если понятие поместной церкви со всеми вытекающими из него выводами, приведенными здесь, должно быть принято на рассмотрение, или другими словами, если церковь есть истинно церковь только когда она – поместная реализация, воплощающая Христа и выражающая Царство в определенном месте, мы должны быть готовы к тому, чтобы поставить под вопрос церковный статус конфессий как церквей и приступить к работе, чтобы определить, что составляет природу поместной церкви. Это не произойдет за один день, потому что конфессионализм глубоко уходит корнями в нашу историю. Но нам надо быть готовыми к тому, чтобы принять, что пока конфессионализм превалирует, невозможно добиться реального продвижения к церковному единству. Более серьезное отношение к тому, что до сих пор это еще не стало реальностью поместной церкви и соответствующего богословия, может иметь чрезвычайное значение для экуменического движения.

Перевод с французского Алексея Костромина

Борис Фаликов: Богородичный центр и российская контркультура

Богословие и философия

Прошлым летом Священный Синод РПЦ принял воззвание против антихристианской деятельности сект. Основное внимание в нем было уделено таким новым сектам, как "Белое братство" и "Богородичный центр". "Последователи "Богородичного центра"... и приверженцы "Белого братства", - говорится в воззвании, - своими лжеучениями и греховными деяниями отлучили себя от Православной Церкви, если вообще принадлежали к ней ранее". Эта статья посвящена культурным или скорее контркультурным истокам "Богородичного центра", но ряд ее выводов, думается, можно распространить и на другие новые секты, появляющиеся в

пост-тоталитарной России.

"Церковь Пресвятой Богородицы преображающей", как официально именуется "Богородичный центр" (он же "Церковь третьего Завета", "Церковь духа Параклита" и т. д.), громко заявила о себе в начале 90-х годов. Основатель его о. Иоанн (Береславский) был рукоположен в "Секачевской" ветви катакомбной "Истинно Православной Церкви". В 1984 г. он, по его словам, получил откровение Богоматери у иконы Одигитрии в Смоленске. Откровение продолжалось несколько лет, и результат его - 20 пророческих книг - стал основой учения о. Иоанна. От "Истинно Православной Церкви" о. Иоанн был скоро отлучен как впавший в ересь, и с группой единомышленников, в которой были как бывшие катакомбники, так и новые члены, он создал "Богородичный центр". Теперь этот центр осужден и официальной Церковью.

Мы оставим пока в стороне то, что так привлекает к "Богородичному центру" внимание прессы, - переходящие в потасовки и перебранки с конкурентами (тем же "Белым братством"), обвинения центра в умыкании детей и т. д. и попытаемся разобраться в истоках и сути "святодуховного Православия", пророком которого считает себя о. Иоанн. Для этого обратимся вначале к его проповедям, а потом и к пророчествам. Первые помогут нам уяснить социальный и психологический климат, в котором зарождалось учение, вторые - его идейное и, может быть, духовное содержание.

Я не располагаю никакими данными о биографии о. Иоанна, кроме тех общеизвестных, что вкратце упомянуты выше. Однако в этом и нет нужды - его проповеди говорят сами за себя. В них предстает перед нами российский интеллигент недавнего прошлого, в ужасе отшатнувшийся от сталинского наследия отцов и дедов, которые, отвергнув Бога, уподобились, как он полагает, библейскому племени рефаимов. Все отвращает его в рефаимах - от их убогого мировоззрения до низменных житейских привычек. И чем подробнее бичует их о. Иоанн, тем больше узнаем мы о нем самом.

Самое страшное деяние рефаимов заключалось в том, что они "запечатали свои грехи в подсознании потомков". Но потомки вскрыли в душах своих "запечатанные урны и развеяли зловонный прах". Эта нехитрая психоаналитическая операция привела к "нигилизму". Да и как могло быть иначе? Ведь и рефаимы поступили так же со своими предками. "Мировая ось поколебалась и прервалась связь времен".

Гамлетовская рефлексия, пропущенная через мясорубку кухонного фрейдизма, ведет о. Иоанна к обличению Гертруды. Мамаши-рефаимки обессиливали сыновей своей патологической любовью, "тайно сходясь с ними и не выпуская из поля зрения до самой гробовой доски". Истоки антифеминистских эскападов о. Иоанна против "омужичившихся женщин" и "обабившихся мужчин" становятся таким образом понятны. Рискну предположить, что и образ Богоматери дорог ему не в последнюю очередь как антитеза "бабьего бунта", как светлый идеал истинной матери.

Однако пути Гамлета российского и его датского прототипа быстро расходятся. Российский окончательно предпочитает действию глухое духовное подполье. Оттуда он продолжает метать критические стрелы в адрес носителей "серой ауры", которые норовят "энергетически обобрать" своих детей, отравляя их "психологическим ядом".

Итак, удел родителей - моральная и физическая деградация, "скрытый блуд" и варварское мясоеденье. Что же остается детям? Суровый пост и смиренное покаяние. Смирив себя аскезой, они отмаливают грехи общества и по сути являются его истинной подпольной элитой, вставшей на "почетный учет в психушках", ушедшей в истопники и дворники. И вот теперь пришло время выйти из духовных катакомб, чтобы передать опыт покаяния и поста ближним,

ибо близится конец света. Здесь кончается проповедь и начинаются пророчества. Но мы пока ограничимся проповедью. В ней отчетливо слышен голос (вернее, один из голосов) российского контркультурного подполья. Политические разоблачения чередуются с метафизическими, социальные страхи и надежды оборачиваются эсхатологическими чаяниями, оккультная терминология (ауры, тонкие тела и т. д.) вполне уживаются с христианским пафосом покаяния. Однако на смену синкретической неопределенности приходит конкретный выбор. Для о. Иоанна он связан с катакомбной церковью.

Сам по себе этот выбор не удивителен. Питомцы контркультуры с трудом преодолевали неприязнь к официальной религии. Катакомбники же с их бескомпромиссным осуждением сергианства казались ближе и психологически, и духовно. Пафос противостояния безбожному режиму не мог не притягивать тех, кто "развевал зловонный прах" большевистского наследия. Возможно, играло какую-то роль и интеллигентское народопоклонство. Катакомбная церковь выжила в социальных низах российского общества - в нищете грязных углов и убогих сараюшек. Старцы и старицы, бережно хранящие Истину в жалких деревянных избушках, - частые гости в проповедях о. Иоанна.

Над катакомбной церковью, однако, довлела не только угроза уголовных преследований. Все сложнее было с годами хранить цепочку иерархической преемственности. Катакомбники столкнулись с той же проблемой, которая в свое время преследовала старообрядцев: малочисленностью, а то и полным отсутствием законно рукоположенных священнослужителей. Добавьте к этому неизбежную в условиях подполья духовную взвинченность, распалюющую мистическое воображение, и вы получите идеальную атмосферу для возникновения сект. Собственно, в русской истории это уже было - хлысты и духоборы зародились в среде старообрядцев-беспоповцев.

Катакомбную церковь от этой участи хранила ее малочисленность и преклонный возраст большинства членов. Однако молодой, горячий интеллигент, попавший в эту среду в начале 80-х годов, легко мог стать лидером раскола и основателем новой секты. Это, по-видимому, и произошло с о. Иоанном. Изверженный из катакомб, он оказался подхваченным бурной волной перемен, захлестнувшей все наше общество. Годами подавляемая религиозность, выйдя на поверхность, стала принимать самые разнообразные формы. Среди них нашел себе место и "Богородичный центр" о. Иоанна, этот причудливый гибрид контркультурного подполья и "истинно православных" катакомб. Прежде всего гибридность эта бросается в глаза на знаковом уровне. Достаточно встретить хотя бы небольшую группку "богородичников", и вы увидите околочерковных женщин без возраста, закутанных в серые платки, и экзальтированную молодежь со всеми признаками контркультурного юродства. Загляните в проповеди о. Иоанна, и вы натолкнетесь на стилистическую разногласицу, которая простирается от архаических "очес" до оккультных "тонких тел". Проявляется разнородность "святодуховного православия" и на уровне доктрины. Для анализа ее перейдем от гомилетики о. Иоанна к его пророчествам.

Основное место в них, как уже говорилось, занимает грядущий конец света. Близятся сроки, когда всем нам придется держать ответ перед Всевышним. Но традиционная заступница Руси - Богородица вновь берет ее под свою небесную защиту. Мы можем "присягнуть Пречистой", покаяться в совершенном, и тогда нас ждет "блаженный легкий сон, прощение грехов и светлое восхищение в рай". Не покаемся - придет Антихрист, наступят чудовищные катаклизмы, и миллионы людей сгинут в страшных мучениях.

Доказательством нашей верности Богородице должен послужить миллион подписей под "Белой грамотой", которые будут собраны в России. Еще 200 миллионов человек должны подписать грамоту по всему миру. Ведь Богоматерь - тайная Владычица многих стран. Только в

этом веке Она являлась Своим чадам в большинстве католических стран Европы. Но лишь в России тайное становится явным.

Россия - избранница, и наше всеобщее покаяние - залог спасения мира. Однако с избранницы и особый спрос. Богородица берет нас под Свой омофор, а мы венчаем Ее на российский престол. В России будет заложен фундамент всемирной теократии. Подданные Небесной Царицы должны держать суровый пост. Питаться следует два раза в день, "мясная пища исключается, молочная - редко и для болящих".

Официальная церковь погрязла в грехах настолько, что ей не очиститься и покаянием. Увлечшись обличительным пафосом, о. Иоанн даже переходит на торжественный ямб: "На церковь прежнюю взираю с сожаленьем, не вижу верных в ней ни одного". На смену ей приходит церковь "истинно православная" - "Богородичный центр". Внешняя церковность заменяется внутренней, ибо "нужда во внешнем отпадает". Со временем, однако, считает о. Иоанн, произойдет литургическая реформа: наследие святых отцов будет отброшено как "потерявшее свою прежнюю ценность". На смену ему придут "новые песнопения". Но главное - изменится состав самих Святых Даров, которые "ныне сорастворены ее слезами".

Так наступает новая эпоха Св. Духа, Который будет водить миром при посредстве Пречистой, - "Эпоха Духа Параклита. Держава Богородицы". Естество мира одухотворится. Произойдет "богородичное преображение" земли.

Но что нас ждет, если Россия не покается к концу тысячелетия? "Негативному сценарию" в Иоанновых пророчествах уделено немалое место. Пришествие Антихриста описано в столь мерзких подробностях, что перед ними меркнут эсхатологические кошмары раннехристианских апокрифов.

Антихрист у о. Иоанна - интеллигент, знаток философии, богословия и языческих религий. И учение его, являющее собой "предельное лукавство Люцифера", покорит прежде всего интеллигенцию - "сторонников традиционных школ, наук и искусств". Суть учения - очередная "версия земного рая, обретенного без особых жертв".

Огромную роль сыграет "телевидение и другие космические средства", которые позволят мгновенно распространить учение Антихриста "на сотни стран". Это будет "живой иконостас" врага человеческого, великого мага и гипнотизера. С телеэкранов будет "регулярно воскуряться особое наркотическое средство, обладающее огромной гипнотической силой". В завершение по "всемирному каналу" во всех подробностях покажут массовые казни христиан.

Введена в "сценарий" и новая роль - матери Антихриста, которая борется с Богородицей не одно тысячелетие, ведя за собою "род дьяволочеловеческий, серо-пепельный, цивилизацию проклятых от века".

Однако торжество Антихриста будет временным. В последней битве на небесах он поразит и Илию, и Еноха, но будет повержен карающей десницей Господа. Это будет первый знак Второго пришествия, за которым последует Страшный суд и "окончательное разделение на свет и тьму, агнцев и козлиц". Первые спасутся и преобразуются, вторые навеки сгинут "во мраке преисподней".

Итак, торжество Господа неминуемо. От нас зависит лишь то, каким путем мы к нему двинемся - прямым, радостным и светлым либо кружным, трагическим и жутким. Богородица не дает о. Иоанну окончательного ответа, однако трагический вариант выглядит у него убедительней оптимистического. Впрочем, это неудивительно. Даже великому Данте ад удался лучше рая.

Как и положено пророку, о. Иоанн умалчивает о земных корнях своего учения, но в нем довольно ясно угадываются два пласта: низовой - народный, характерный для русского сектантства, и элитарный -интеллигентский, восходящий к славянофилам, В. Соловьеву и мыслителям религиозного возрождения начала века.

Спасительная миссия России среди народов мира, всемирная теократия, грядущее откровение Третьего Завета, софийность Православия - все эти идеи заимствованы о. Иоанном в русской религиозно-философской традиции. Однако его великие предшественники далеко не во всем были едины друг с другом. Соловьев полемизировал со славянофилами по поводу сущности всемирной миссии России, в его теократических построениях значительная роль отводилась католицизму. Бердяев, провозглашая грядущую эпоху Параклита, отвергал софийное богословие Булгакова и "стилизованное православие" Флоренского. Последние, развивая софиологическое наследие Соловьева, отказывались от заключенных в нем гностических элементов. По-разному оценивались в этой среде оккультизм и восточные религии.

В пророчествах о. Иоанна, напротив, все эти очень разные и заведомо противоречивые взгляды не только предельно упрощены, но и сведены воедино. Теократическое царство Богоматери соседствует с эпохой Параклита, софийные теологемы - с католической мариологией, проклятия в адрес оккультизма - с оккультными мифологемами, осуждение восточных религий - с призывами искать союзников в их среде и т. д.

Народно-сектантские элементы учения о. Иоанна не менее очевидны, чем элитарные. Это прежде всего осознание мирового зла, настолько острое и напряженное, что оно соперничает с упованием на высшее добро, а порою и превосходит его. Так возникают в пророчествах дуалистические мифологемы: мать Антихриста, соперничающая с Богоматерью, племя дьяволочеловеческое, противостоящее Богочеловеку -Христу и т. д. В этом же ряду и суровая аскетика о. Иоанна - зло должно быть искоренено в своем средоточии, в греховной плоти. Это то самое "манихейское" начало, которое издревле порождало народные секты от богомилов и катаров до стриголышков и духоборов. Зло проникает повсюду и даже во святая святых - церковь. Это свидетельствует о том, что возрастает его сила, стало быть, близятся сроки последней битвы добра и зла. Отсюда осуждение грехов официальной церкви и напряженное чаяние конца света - основные мотивы народного сектантства, которые господствуют и в пророчествах о. Иоанна.

За сектантскими претензиями к церковной иерархии всегда следовало создание собственной. Вслед за этим неизбежно приходили ритуальные и литургические новшества. "Изменение состава Св. Даров" и "новые песнопения" Богородичного центра - это лишь начало становления самостоятельной обрядности новой секты.

И, наконец, характерная для сектантского сознания подозрительность к техническому прогрессу и его носителям - интеллигентам проявляется в пророчествах страхом перед телевизионной и космической связью, которую использует в своих гнусных целях Антихрист (тоже, кстати, интеллигент).

Тесное переплетение сектантских и элитарных мотивов в учении о. Иоанна - это следствие его личного опыта интеллигента, ушедшего в православные катакомбы и создавшего там собственную секту. Но не будем забывать, что мистик-интеллигент, пошедший "в народ" в поисках Бога, - явление нередкое в русской истории и культуре. Еще в начале прошлого столетия в кружке Татариновой собрались вместе мистически настроенные представители петербургской знати и хлыстовские пророки и пророчицы. От богословских бесед вскоре перешли к радениям, и в конце концов полковничья вдова Татаринова была также провозглашена пророчицей. Сам император Александр I встречался с основателем секты

скопцов Кондратием Селивановым. В Петербурге поговаривали, что тот предупреждал батюшку-царя о грядущем поражении под Аустерлицем. И лишь когда до Александра дошли сведения, что Кондратий объявляет себя Спасом во плоти, он приказал посадить его в сумасшедший дом, назначив, однако, старцу приличное содержание.

Сближение элитарной и сектантской религиозности достигло своего апогея в начале нынешнего столетия. Факт восхождения хлыста Распутина к вершинам власти общеизвестен. Сектанты были частыми гостями в салоне Мережковского и Гиппиус, где зарождалось "новое религиозное сознание". Напряженное внимание к сектантству отрази

лось в романе Андрея Белого "Серебряный голубь". Бердяев и Белый были частыми гостями трактира "Яма", где собирались богоискатели из народа, представлявшие самые разнообразные секты и толки. И наконец, поэт-декадент А.М. Добролюбов создал собственную секту среди поволжских крестьян. Можно сказать, что у о. Иоанна был прямой предшественник.

Сближение элитарных религиозных поисков с сектанством не было случайным. Каждый раз это был симптом религиозного брожения в обществе, когда "верхи" с удивлением обнаруживали, что по крайней мере в сфере мистической у них немало общего с "низами". Напряженный эсхатологизм был не менее типичен для интеллигентского сознания, чем для народного. И тому, и другому были не чужды антиклерикализм и поиски новой мистически "эффективной" обрядности. Наконец, претензии к прогрессу и высоколобому рационализму давно стали общим местом интеллигентской критики культуры. Уже соловьевский Антихрист - интеллигент, грешащий рационализмом. Таким образом, пророчества о. Иоанна находятся вполне в русле русского интеллигентского богоискательства по меньшей мере последних двух столетий. Свидетельствуют они и о том, что "мистический градус" нашего общества нынче очень высок, не менее высок, чем в начале века. Однако есть в "богородичном откровении" и нечто совершенно новое.

По ряду причин нам лучше известны факты хождения в народ с целью его революционного воспитания. Но и в этом случае мы сталкиваемся с романтизацией народной мудрости, пусть и не в мистических ее формах. С другой стороны, и духовная выучка у народа сопровождалась неизбывной интеллигентской потребностью снабдить сектантскую практику "высокой теорией".

В кружке Татариновой сектантские обряды быстро потеряли свой крестьянский характер. Сведущие люди раскопали ученую книжку "О священных танцах ранних христиан" и возвели к ним генезис хлыстовских радений. В соответствующем ключе были интерпретированы и строки Нового Завета о нисхождении Св. Духа. Бердяев в результате своих бесед с сектантами "обнаружил" у них изящнейшие богословские построения в духе Я. Беме. Белый увидел в "сектантских действиях" доказательства антропософских истин.

Вот эта потребность в культурной рефлексии начисто отсутствует у о. Иоанна. Скорее наоборот, элитарные заимствования почти без остатка растворяются у него в сектантских мифологемах. Безыскусный синкретизм, присущий мифологическому мышлению, царит на бесчисленных страницах "богородичных пророчеств". Неудивительно, что идеи отечественных богословов встречаются здесь в самых странных сочетаниях. Они - продукт беспорядочно работающего подсознания, а не богословской рефлексии. Здесь можно было бы посетовать на чудовищное снижение уровня российской культуры, вспомнить об "образованщине", поругать большевиков и поставить точку. Но есть одно "но". О. Иоанн, в отличие от своего святого покровителя, - не богослов, он притязает быть лишь пророком. Пророчествовать же могут и Николай Бердяев, и Иван-не-помнящий-родства. Очевидно, к этому жанру следует подходить с мета-культурной

позиции - какова духовная база пророка, какого он духа?

В христианской этике всегда присутствует антиномия - страх Божий и любовь к ближнему (фобос и агапэ). В идеале они пребывают в динамическом равновесии. Трепет перед всемогуществом Господа не лишает сердца любви. Не редко одно перевешивает другое, и это неудивительно - мы созданы Творцом разными. Беда в другом. Страх Божий может настолько усилиться, что для любви уже не останется места. Абсолютизация части в ущерб целому испокон веков порождала секты. Сама этимология этого слова восходит к латинскому *secare*, то есть отсекать (часть от целого). История дает нам много примеров того, как движимые страхом Божиим люди гипнотически замирали в ожидании конца света. Но страх перед Богом, если его не уравнивает любовь к ближним, может легко трансформироваться в страх перед ними. Коллективные самоубийства многочисленных сект от русских беспоповцев до техасской "Ветви Давида" - страшное следствие такой установки сознания.

Напротив, абсолютизация любви в ущерб закону таит в себе большую опасность для тех, кто просто не умеет ему подчиниться. История знает много попыток подобных искажений гениальной Павловой диалектики, и оканчивались они всегда плачевно - от оргий мюнстерских анабаптистов до сексуальной революции нынешней контркультуры.

На мой взгляд, "святодуховское православие" о. Иоанна представляет собой крайний случай абсолютизации страха Божиего. Жуткая перспектива скорого конца - главная движущая сила его проповедей и пророчеств. Вопль покаяния, исторгнутый смертельно напуганной душой, - их главная цель. В качестве основного средства предлагается "монашество в миру" - суровый пост и воздержание. Но поразительней всего то, что откровения эсхатологических мучений и пыток, которые явились бы честью страшной Кали индусов, исходят, по уверениям о. Иоанна, от Богоматери, слезной Заступницы рода человеческого.

Чем вызвана эта абсолютизация страха в ущерб любви? Ответить на этот вопрос нам, может быть, поможет аналогия из иного культурного ареала. Многие из околохристианских сект, связанных с американской контркультурой, начинали с проповеди безбрежной любви. В условиях контркультурной вседозволенности граница между любовью духовной и физической практически стиралась. Аскетическая потребность "дисциплинировать" любовь зачастую приводила к противоположной крайности, и в сектах начинала преобладать тяжелая атмосфера эсхатологических страхов.

Вполне вероятно, что форсирование эсхатологического ужаса и призывы к аскетическим крайностям в пророчествах о. Иоанна - это обратная сторона вседозволенности, царившей в российском контркультурном подполье, которое, как я предполагаю, сыграло немалую роль в становлении Богородичного центра. Не стоит, однако, забывать, что страх Божий вытеснял в американских сектах скорее любовь духовную, чем физическую, и вполне уживался с издержками последней. Более того, очень скоро он вырождался в страх перед окружающим миром. Поэтому нет ничего удивительного в том, что полигамия и промискуитет процветали именно в Народном храме и "Ветви Давида", где были самые страшные случаи коллективного самоубийства последних лет.

Кросскультурные аналогии - вещь, однако, опасная. Сексуальные скандалы, хранение оружия, умыкание подростков и самоизоляция, ведущая к суициду, - все эти обвинения преследуют нынче бывшие контркультурные секты в США. Значит ли, что все это повторится в России? Кое-что уже повторяется. Члены "Белого братства", не дождавшись конца света, обещают устроить его сами, пугая растерянные власти призывами к коллективному самоумерщвлению. Разгневанные родители в ужасе утверждают, что их дети оказались в той или иной секте в результате гипнотического воздействия, "промывания мозгов" и т. д. Объединяясь в

самодеятельные антисектантские группы, они требуют вновь ввести в уголовный кодекс статью 227, предусматривающую уголовное наказание за религиозную деятельность, "причиняющую ущерб здоровью граждан". Напомню, что еще совсем недавно именно по этой статье преследовались многие верующие. И если в США подобные требования всегда натывались на первую поправку к Конституции, защищающую свободу совести, то у нас, похоже, таких проблем не возникает. Во всяком случае Верховный Совет России на одном из своих летних заседаний вернул в УК пресловутую статью, правда, в новой редакции (теперь 141'). Трудно предположить, как будет применяться эта статья в нынешней России. Скорее всего вновь загнать Богородичный центр и схожие с ним секты в подполье не удастся. Религиозное напряжение в российском обществе достигло большой высоты и продолжает нарастать. "Мученичество за веру" в подобном духовном климате пойдет лишь на пользу новым сектам. Более того, ситуация уголовного преследования очень легко накладывается на эсхатологические страхи. Ожидаемый Антихрист обретет в конце концов вполне реальные черты, и если триста лет назад в подобной ситуации в России запылали срубы, то нынче следует опасаться более изощренных методов самоуничтожения. Как избежать таких трагедий - сказать трудно. Как мы недавно убедились, не застрахована от них и плюралистическая Америка. Но кроме очень непростого пути религиозного диалога, который медленно и трудно прокладывается в этой стране, человечество покуда не придумало других способов разрешения подобных конфликтов.

1993 г.

Преподобный Роман Сладкопевец: Кондак о святых апостолах

Богослужение и таинства

Преподобный Роман Сладкопевец (V век) - автор песнопений, называемых кондаками, которые до сих пор поют в Церкпи, например «Дева днесь Пресущественнаго раждает...». Он был родом из Сирии, служил дьяконом в Бейруте. Православная церковь причислила Романа Сладкопевца к лику святых.

КОНДАК О СВЯТЫХ АПОСТОЛАХ
Кукулий 1 Твердых и богогласных проповедникови цвет Твоих учеников, о Господи, принял и успокоил Ты, светом Своим утешил их, ибо и труды их, и успение Тебе приятны больше всеожжения, Единственный в сердцах читающий! **Кукулий 2** Ты умудрил превыше риторов рыбакови послал их проповедниками всей землепо любви Своей неизреченной, Христе Боже наш! Через них Ты Церковь укрепи Своюи ниспосли всем верным благословение, Единственный в сердцах читающий! **Икос 1** Ясным язык мой, Спасе, соделай, мне уста разомкнув, Сам поведи мою речь, Боже, мое умили сердце, чтобы и я шел вслед за словами, и чему я учу, то сделал бы первым. Сказано: «Кто сотворит и научит - будет велик», и если лишь говорю - буду назван медью звенящей; так даруй мне речи должные и поступки, речам подобные, Единственный в сердцах читающий! **Икос 2** Некогда так апостолы, Боже, прежде сами исполнив повеленья Твои, тому учили, что делали, силами всеми стараясь вместе подтвердить учение собственной жизнью, и кто ее видит и ей подражает - будет велик! Нагим быть в жизни земной, но иметь пред очами небесную; свой крест нести на плечах, и смерть, как велел Ты, принять с ликованием, Единственный в сердцах читающий! **Икос 3** Малое племя благоуханьем всю овеяло землю, добродетелей цвет произрастив в изобилии. О винограда Христова гроздь, Благодетеля Вышнего хлебная нива, о рыбаки до Христа и во Христе рыбаки! Привычные некогда к соли сладость словес источают теперь, и прежде ловившие

рыботныне - ловцы человек, как Ты повелел, Единственный в сердцах читающий!

Икос 4 Этых овец, рассеянных страхом в час распятия, Властный над стадом опять соединил в Воскресении; встав на вершине горной пред ними, долгожданную песнь обратил Он ко стаду, смелости им придавая, словами притчи воззвал: « Мужайтесь же ныне, знайте - Один Я сей мир победил, волков Я рассеял, со Мною было там никого, был Я, Суций, один, Единственный в сердцах читающий.

Икос 5 Ныне ко всем идите народам, покаяния семя предавайте землеи орошайте учением. Петр, смотри, как будешь учить ты: о падении помня и всем сострадавая, ради служанки, смутившей тебя, ты не строго суди, когда надменность найдет на тебя, то крик петуха ты услыши слезы припомни - потоками их Я омыл прегрешенье твое, Единственный в сердцах читающий.

Икос 6 Петр, Меня ты любишь? Так будешь Мое стадо пасти и Мною любимых любить и сострадать согрешающим, помня Мое к тебе милосердие, - Я ведь принял тебя, хоть ты трижды отрекся. Вот и разбойник привратником райским соделан, смелей! Путь к нему - от тебя, и Адам через вас возвращается, зывая: »У врат разбойник, Кифа-ключник Тобою мне дадены, Единственный в сердцах читающий!"

Икос 7 Будь и ты, о Андрей Мой, крепок, ты ведь первым нашел меня, найденный Мною, так же найди ты заблудшего. Но ремесло свое не забудешь, Я тебя обучу ремеслу таковому: наг был в пучине морской - а отныне и в жизни ты наг; ловил удой тростниковой - Крестом уловлять научись теперь; и ныне не червь, а плоть Моя для наживки, как Я повелел тебе, Единственный в сердцах читающий.

Икос 8

Мой Иоанн, яви теперь дело! Пусть узнают сейчас, что не напрасно тогда ты на груди почивал Моей. Русло тому источнику вырой, что потоку любви твоей дал начало; словно киркой заостренной, протоки пророй языком. Куда пожелаешь, скоро приду, орошая ростки твои; бросай семена-слова, побегив вращу Я, наполнив поля твои, Единственный в сердцах читающий.

Икос 9 Делай, Иаков, с ними одно, Зеведея припомнив, проповеди не оставь, ты ведь Меня предпочел ему. Знаю, в челне однажды оставил ты родителя, ибо Творца возжаждал. Волю Мою исполняй заодно с соратниками и злоумышленников не страшись, Мною развеян их замысел; когда меч над тобой занесут, то помысли, Кто в ребра копьем пронзен - Единственный в сердцах читающий.

Икос 10 Ты же, Филипп, ступай вместе с ними, проповедуй Меня, как видишь и слышишь сейчас, не отделяй от Отца Меня, не говори, что Сына ты видел, а Родителя не довелось тебе видеть. Я показал вам Отца: Он во Мне, как и Сам Я в Нем, Я не помимо Него - Его волю творю, Мою волю творит Он, и мы в Духе одном; тебя же Я посылаю о том проповедовать, Единственный в сердцах читающий.

Икос 11 Нынешней верой твердо изгладишь ты, Фома, свое неверие прежнее, ты осязал - проповедуй же! Время пришло, которого жаждал, завязать с иудеями противоборство. Вот, Воскресения явлены ясно свидетельства: следы гвоздей ты узрел, от копья Мою рану увидел ты - и места нет колебаньям, Сам предлог для сомнений разрушил Я, Единственный в сердцах читающий.

Икос 12 Будь, о Матфей, как мытарь и нынеи взимай теперь подать с врага Адамова, как с проезжающих некогда. Не отступай, пока не отдаст он плату должную до последнего кодранта. Сядь охранять дорогу, к аду сводящую, и как увидишь губителя, прочь от Моих отходящего, заставь заплатить, обнаженным яви его, как Я велю тебе, Единственный в сердцах читающий.

Икос 13 Голос один ко всем обращаю, чтоб не тратить Мне сил в расточеньи речей, вместе Мое слово слушайте: отправляйтесь ко всей вселенной, научите народы и царства, ибо теперь Породивший Меня все Мне предал на небе и на земле; над чем властвовал пред воплощением, над тем же и ныне царствую, вас избрал Я в священный совет Себе, Единственный в сердцах читающий.

Икос 14 Ныне ко всем идите народам, покаяния семя предавайте землеи орошайте учением". Ученики, такое услышав, друг на друга глядели, головами качая: « Где же нам взять силу голоса, чтоб ко всем говорить? Таковую мощь кто нам даст – племенам и народам противостоять? Мы не мудры, не научены, мы умелы лишь в море! Но Ты повелел, Единственный в сердцах читающий! »

Икос 15 « Робость из ваших сердец да исчезнет, и пусть помыслы ваши недруг теперь не смутит, хватит судить по-младенчески, сделайте же мудры, словно змеи, ради вас ведь и Я, словно змей, вознесен был, и не оставьте, страшась за самих себя, проповедь. Не в силе Моя победа – приходит она через немощных; платонствующим не радуюсь, возлюбив в этом мире немудрое, Единственный в сердцах читающий.

Икос 16 Впрочем, к тому придам вам и силу, что сумеет немало павших поднять, и дам вам речь умудренную. Вот, Демосфена гонит народ ваш, и афиняне пред галилеянами меркнут. Повести прежние Кифа прервет, возвещая Меня, и невоздержные речизатмит изречение » «Маранафа», Назарет потрясет Коринф; говорить должно вам, но внушать буду Я, Единственный в сердцах читающий.

Икос 17 Вас поношениями осыплюти, жестоко сковав, в темницы вас заточати предадут вас властителям. Но сиротами вас не оставлю, ибо Я до скончания с вами пребуду. Вы пред судьей – и Меня посреди вас увидите; вы связаны – связан Я; вы со Мной, за Меня все претерпите; сумеете на своем стоять – и за вас поведу Я сражение, Единственный в сердцах читающий".

Икос 18 Речи когда услышали этиот Премудрости мудрые ученики, то на такое ответили: « Ты возвестил нам тяготы только, преисполненные ужаса и смерти. Соединившись с Тобой, мы решили – от них мы избавлены; и вот, Спаситель, Ты нас предаешь еще более тяжелой судьбе; Ты призывал: » «Успокою вас», и вот на борьбу помазуешь нас, Единственный в сердцах читающий!"

Икос 19 « Жребий зовет вас на состязанье, и законы любви велят ныне вам дружбу на деле явить свою, все за Меня терпя, как за Друга, как и Я – за друзей, а не по долгу; негде причину найти, что на смерть бы звала Меня, но Я ведь принял ее, самый крест претерпел, словно должное, и долг ваш отеческий сполна, Неповинный, отдал добровольно Я, Единственный в сердцах читающий.

Икос 20 Ныне идите ко всему миру, покаяния семя предавайте землеи орошайте учением; глядите, чтоб раскаявшийся грешник мимо вашего невода не прошел бы; радуюсь Я обратившимся – это вы знаете. О если бы и предателько Мне возвратился, покаявшись, и Я, омыв от предательства, с вами снова бы соединил его, Единственный в сердцах читающий!

Икос 21 Страхом, уныньем пренебрегите, ибо многих ко смерти отсылают они, как показал вам

Иуда сам:знаете, как веревку удушьязаплело для предателя отчаянье.Только и в этом вновь тщетна уловка лукавого:он после расплатится,Киликийца за Искарюта отдасти вместо врущего - верного;за продажного - Павла Себе обрету,Единственный в сердцах читающий.

Икос 22Тайнам причастные други и братья! Вас зову Я уже не »рабы", а "друзья, сыновья, Мои сонаследники, светочи целой вселенной и лучи Мои ясные, солнца сияньеи сокровищ Моих ключеххранители верные";дары Мои - через вас,и Адам ко Мне возвращается;вы - Церкви Моей столпы,и из бездны морской вас воздвигнул Я,Единственный в сердцах читающий.

Икос 23Так проповедуйте Меня миру:явите, что Я существую, отныне конецпритчам и иносказаниям;и что Я - Бог, скажите открыто,и как Неизреченный принял рабский облик,и как добровольно телесные раны стяжал Себе,как, будучи Богом, вовсе не смертным,принес Я на смерть Свою плоть,и погребенный, как осужденный,Я смертью разрушил сам ад, как Господь,Единственный в сердцах читающий.

Икос 24Так поступая, мир вы спасите,крестя во имя Отца, и Сына,и Святого Духа".И, укрепившись новой речью,говорили апостолы Создателю:« Да, Ты есть Бог Предвечный и Бог Беспредельный;познав Тебя - Господа,одного со Отцом и со Духом Святым,как Ты повелел, проповедуем;Ты же с нами пребудь и за нас,Единственный в сердцах читающий! »

Перевод Андрея Десницкого

Е.Ч.: Веруйте во Свет, да сынове Света будете

Дневники, письма, воспоминания

Епископ Афанасий (Сахаров) родился 2 июля 1887 г. во Владимире. С 1896 по 1902 г. он учился в Шуйском духовном училище. Во втором классе - переэкзаменовка, в третьем классе сидел два года.

Начал прислуживать в алтаре, вероятно, со всенощной в субботу 21 августа 1899 г. С 1902 по 1908 г. учился во Владимирской духовной семинарии. В 1907 г. посвящен в первую степень клира и в каникулярное время прислуживал при архиерейском богослужении. С 1903 по 1906 г. был рипидоносцем и иподиаконом непрерывно во все время. То же -август 1906 г. и сентябрь 1908 г. В 1908 г. поступил в Московскую духовную академию и окончил ее в 1912 г. Пострижен в монашество 12 октября 1912 г. Посвящен в иеродиакона 14 октября 1912 г. Посвящен в иеромонаха 17 октября 1912г. Был преподавателем в Полтавской духовной семинарии в 1912-1913 гг. Затем преподавал во Владимирской духовной семинарии с1913по 1918г. Избран членом Поместного Всероссийского собора от монашествующих и помощником заместителя с января по сентябрь 1918 г. С 1918 по 1920 г. был членом Владимирского епархиального совета от монашествующих. С 1920 по 1921 г. назначен наместником Владимирского Рождественского монастыря. Возведен в сан архимандрита в 1920 г. Сделан настоятелем Боголюбовского монастыря 18 июня 1921 г.Хиротонисан во епископа Ковровского 27 июня 1921 г. Арестован и препровожден в революционный трибунал 17 марта 1922 г., освобожден 18 марта 1922 г... И был епископ Афанасий в продолжение тридцати трех лет то арестован, то освобожден - по 1955 г., когда, наконец, он получил полную свободу и мог поселиться в Петушках. Был он одно время принят в Московскую Патриархию и назначен председателем Календарно-богослужебной комиссии. В 1956 г. Владыке было предложено принять участие в подготовке к изданию «Богослужебных указаний на 1957 г.», и его друзья и знакомые стали

обращаться к нему с вопросами и замечаниями по поводу этого издания. В письме ко мне Владыка пишет: «Во избежание всяких неправильных суждений считаю необходимым заявить следующее. Я с радостью принял сделанные мне в прошлом году предложения. Но уже в начале, в процессе работы, выяснилось, что некоторые мои уставно-богослужебные суждения оказались неприемлемыми. Поэтому я отклонил от себя как составление, так и редактирование »Богослужебных указаний". Я согласился только сделать некоторые указания и дать советы. Но и эти последние в большинстве случаев не были приняты во внимание. Посему я ни в какой мере не считаю себя ответственным за содержание «Богослужебных указаний на 1957 г.»Мой муж, - о.Илья Ч., окончил Московскую духовную академию в 1911 г., а Владыка Афанасий - в 1912 г., но о.Илья часто мне называл Сергея Сахарова, выделяя его из других своих товарищей и считая его своим другом. Когда в 1955 г. я впервые увидела епископа Афанасия, я сейчас же вспомнила, что он учился почти одновременно с моим батюшкой. Это было незадолго до Великого Поста.Одна моя близкая знакомая Ан.Ив.Кондратьева, бывшая в 30-х годах келейницей у Владыки Иоанна, однажды поздно вечером прибежала ко мне и сказала, что к ней приехал епископ Афанасий, который узнал от нее, что я, вдова о.Ильи Ч., жива, выразил желание меня увидеть и попросил Нюру (мы ее так называли) съездить за мной. Я сейчас же взяла часть своих записок об о.Алексии, Засимовском старце, и альбом с фотоснимками других почитаемых старцев, и поехала к Нюре.Владыка очень заинтересовался всем тем, что я ему привезла. Я переправила ему и все остальное, что у меня было об о.А[лексии], и он все отдал перепечатать, а все фото старцев для него пересняли.Владыка Афанасий только незадолго до того, как я его увидела, был освобожден и стал жить в Петушках во Владимирской области. Он жил на покое, и только несколько раз ему разрешили богослужение у прп. Сергия в Загорске. И для него самого, и для всех, кто его почитал, это богослужение было счастьем.Мне святой Владыка писал поздравления и письма всегда к праздникам Рождества и Воскресения Христова. И всегда эти письма, такие простые, сердечные, начинались со слов: «Родная моя Евгения Леонидовна». Моего батюшку он знал с академии и от него слышал обо мне, почему и захотелось ему меня увидеть.Он подарил мне очень интересные фото: снят он был всего 9 раз, начиная с трехлетнего (т. е. с 1890 г.) возраста и кончая 1954 г. Все эти фото были пересняты в очень маленьком виде. А когда он присылал мне праздничные поздравления, то прилагал к ним снимки с древних икон Рождества и Воскресения Христова с благословением и благожеланиями - мне и моим детям, и внукам. В этих поздравлениях чувствовалась любовь и сердечная простота.Когда мне посоветовали подать в Патриархию прошение о том, чтобы я получала пенсию за двадцатипятилетнее служение моего покойного батюшки, Владыка приписал на моем прошении, что он лично знал о.Илью, когда учился в духовной академии вместе с ним, да и все остальное, что я написала о дальнейшем его служении, Владыка подтверждал и подписался под прошением: «Председатель Богослужебной и календарной комиссии при Патриархии». Прощение мое было одобрено, и с тех пор (это было Великим Постом в 1958 г.) я стала ежемесячно получать пенсию: тогда - 200 р. в месяц, а с прошлого года - 20 р. Конечно, этому содействовали совместные молитвы Владыки Афанасия и моего покойного мужа, о.Ильи.Когда Владыка прочитал мой рассказ о епископе Иоанне (Широковом), который два с половиной года был настоятелем Григорие-Неокесарийского храма, с ноября 1934 г. по апрель 1937 г., он узнал из него, что епископ Иоанн давал мне для гармонизации подобны для пения нашего правого хора. Владыка Иоанн и Владыка Афанасий любили старинные знаменные распевы. Мне довелось писать подобны по благословию епископа Иоанна. И хотя я плохой музыкант, Владыка был доволен моими трудами. Я раньше никогда не писала партитур, но была у меня способность, если я услышу какой-нибудь напев, подбирать его на фисгармонии для хора. Таким образом, мне Владыка часто давал задания - то из обихода, то из тех нот, что у него были, писать для хора. И Владыка был доволен, хотя, конечно, работа моя была далеко не совершенна, я это знала, но Владыке нравилось. И вот, когда епископ Афанасий прочитал в моих записках о написании мною подобнов, он загорелся желанием иметь все, что у меня было. Однако все мои труды бесследно пропали, и, где я их не

искала, я не могла их найти, а написать вновь уже не могла после того, как прошло двадцать с лишком лет, и многое забылось. Я не спала ночи, чуть не плакала, что не могу исполнить просьбы дорогого Владыки. Пришлось мне ему об этом написать. А он, такой любитель древних напевов, уже начал мечтать о том, чтобы сначала отдать мои труды переснять, потом перепечатать в патриаршем журнале и разослать по всей матушке-России – пусть бы везде, во всех храмах, пелись эти подобны... Господь, видя мою немощь, отстранил меня от этого дела, а Владыка, смиренный, не стал меня бранить, а покрывал отеческой любовью мой отказ и продолжал мне писать поздравления, называя меня, недостойную, «родная Евгения Леонидовна». Владыка Афанасий скончался 15/28 октября 1962 г., в воскресенье, в 7 часов 45 минут утра. Вскоре после его кончины ко мне пришла Нюра (Кондратьева) с одной работой Божией. Имя ее – Нина Сергеевна, которая два года ходила за Владыкой и жила около него в Петушках. Как мне передавали, она была вдовой врача-хирурга, и после его кончины она дала обет – свою остальную жизнь посвятить уходу за каким-нибудь духовным лицом. Ее позвали к Владыке Афанасию, и она неотлучно ходила за ним в продолжение двух лет. Господь сподобил Нину Сергеевну присутствовать при кончине святого Владыки. Вот что она мне рассказала. 4/17 октября 1962г. был канун дня празднования Московских святителей – Петра, Алексия, Ионы, Филиппа и Ермогена. Нина Сергеевна чувствовала себя очень уставшей, и стала просить Владыку встать на следующий день попозднее, т. е. не в 7 часов утра, как это бывало, а в 8. Владыка этого не разрешил, и встали все, как обычно, в 7 часов утра. По обычаю начали службу с полунощницы, затем – утренние молитвы после которых пели утреню. Служба была праздничная, с полиелеем. Владыка сам читал канон святителям, и все было выполнено по уставу. Сам Владыка пел и ирмосы, и хвалитные стихиры. Вся служба выполнялась с большим усердием. Затем вычитали обедницу, после которой служили молебен святителям, и, наконец, малое повечерие с положенным по уставу каноном Пресвятой Богородице. Временами Владыка плакал от умиления и горячо молился... Окончили богослужение в 1 час 30 минут дня. Конечно, очень устали, и Нина Сергеевна стала просить Владыку сесть, отдохнуть и выпить чашку чаю. Он согласился. Но лишь только она ему подала чай, он зашатался, что-то непонятное забормотал и едва не упал. Его скорее подхватили и уложили в постель. Когда пришел врач и привел Владыку в сознание, он стал спрашивать, какой сегодня день. Сосчитал по пальцам – день четвертый, значит, – четверг. Нина сказала ему, что можно кушать скромное, а то он всегда строго следил, чтобы все было по церковному уставу. Язык у него не был парализован, он говорил все, но никак не мог назвать свое имя, как его ни просили. Нину назовет – Нина, а себя никак не мог назвать. Под 7 октября пожелал отслужить утреню мчч. Сергию и Вакху и парастас. В этот день были именины прп. Сергия. Владыка сам пел и читал, но в постели. В понедельник, 9/22 октября Владыку пособоровали. Был его присный ученик и друг о. Иосиф из Новгорода. Владыка несколько раз повторял просьбу, чтобы его свезли во Владимир. Это его родина, и там похоронена его матушка. Нина Сергеевна ему обещала, что все будет сделано, как он желает. 13/26 октября был пятидесятилетний юбилей его пострига в монашество. Приходили поздравлять его почитатели. Он осведомился у Нины, хорошо ли она всех накормила. Он всех перецеловал, точно уже со всеми прощался. Стали просить Владыку что-нибудь сказать, но он не мог. Тогда подали ему бумагу и карандаш, и он написал два слова: «Господи, спаси». Стали просить еще что-нибудь написать, и он написал одно слово: «Все». Это было его последнее слово. Я вспомнила, что перед своей кончиной мой маленький сынок Ванечка тоже сказал это слово: «Все». У Владыки после первого удара было еще два, и скончался он 15/28 октября, в воскресенье, в 7 часов 45 минут утра. Пришли священнослужители, помазали его по уставу елеем и одели в то облачение, которое он сшил сам, когда был выслан. Владыка купил белую материю, выкрасил ее в синий цвет и нашил на ней кресты белого цвета. Петушков повезли его тело во Владимир на автобусе, и, несмотря на тряскую и длинную дорогу, он не подвергся тлению. Было только благоухание вокруг его гроба и при [при]косновении к его руке. Не чувствовалось, что это простые похороны, но как какой-то торжественный церковный праздник. В Успенском соборе горели все паникадилы, и

народа было множество. Одних священнослужителей было 21 человек. Многие приехали из Москвы, из Загорска и из других городов. Из Москвы был о.Всеволод, настоятель Николо-Кузнецкого храма. Он привез огромный венок от себя и своих прихожан. Были и другие священники: от Ильи Пророка, о.Александр из с[ела] Алексеевского, он служил в Церкви Иоанна Воина 10 лет тому назад. Приехал и о.Филарет из Сергиевой Лавры, был и наш регент правого хора с женой и одной певчей. Пение было прекрасное. По желанию Владыки его отпевали по монашескому чину. Нина вспомнила, что Владыка любил и часто повторял слова из 118-го псалма: «Твой есмь аз, спаси мя». Владыка всегда пребывал в молитве. Один священник рассказал, что когда он посетил Владыку, были тут и другие люди. Владыка сидел за столом молча, но ясно ощущалось, чувствовалось, что он непрестанно молится, и вокруг него разливалась благодать Святого Духа. Она без слов исходила от его молчаливого присутствия. Ничего не бывает без воли Божией, без Его святого промысла. И то, что у меня пропали сделанные мною записи подсобных для церковного пения, – это, конечно, было огорчительно для Владыки, но Господь снизшел к моей немощи и пожалел мои старческие годы. Эта работа превышала бы мои силы. Недавно я услышала рассказ о том, как однажды, когда Владыка Афанасий жил в одном из концлагерей в Средней Азии, подошел Праздник Светлого Христова Воскресения, и он попросил начальство побыть недолго в лесу, который находился поблизости. Ему разрешили, но послали с ним конвоиров. Те остались на опушке леса, а Владыка, войдя в лес, трижды возгласил: «Христос воскресе!», и трижды услышали конвоиры, что откуда-то донеслись слова: «Воистину воскресе!». Они-то и рассказали об этом. Подобное было как-то давно в Киево-Печерской Лавре, когда в ночь Светлого Праздника Пасхи кто-то из монахов вошел в пещеры и громко воззвал: «Преподобные отцы и братия, Христос воскресе!», и слышен был ответный возглас от почивших монахов: «Воистину воскресе!»...

Мне хочется переписать в эту тетрадь некоторые из присланных мне Владыкою Афанасием писем.

« Христос рождается, славите! Милость Божия буди с Вами, родная моя Евгения Леонидовна! Сердечно приветствую Вас с великим праздником Рождества Христова, с наступившим гражданским новолетием. Отроча младо – превечный Бог, принесший на землю для людей благой воли мир, да умягчит сердца всех людей, дабы все возлюбили мир. Царь мира да примет и исполнит молитвы верных о мире всего мира, о благостоянии Православной Церкви Русской и всех Святых Божиих Церквей, да в мире и в тишине живут все народы, да беспрепятственно славится всюду имя Божие. И Вам лично желаю мира и радости о Духе Святе, спокойствия, здравия душевного и телесного, и всякого благополучия.

Призываю на Вас Божие благословение. Спасайтесь о Господе. Богомолец Ваш епископ Афанасий. Рождество Христово. 25 декабря 1961 г. – 7 января 1962 г."

»Христос воскресе! Христос Воскресе! И паки реку в третий раз: воистину Христос Воскресе! Милость Божия буди с Вами, родная моя Евгения Леонидовна! Сердечно приветствую Вас с светлым праздником Христова Воскресения, молитвенно желаю здравия душевного и телесного и многих лет богоугодной жизни, наипаче же желаю всем удостоиться быть участниками вечной Пасхи в Небесном Царствии Христовом. Призываю на Вас Божие благословение. Спасайтесь о Господе.

Богомолец Ваш епископ Афанасий. Пасха Христова. 16/29 апреля 1962 г."

Это письмо было последним, так как Владыка скончался 15/28 октября, не дожив до праздника Рождества Христова.

Владыка Афанасий принимал очень близко к сердцу все нестроения и боязнь новой войны и,

сам молясь о мире всего мира, составил молитву. В одном из писем Владыка прислал мне текст этой молитвы.

Молитва о прекращении войн и о мире всего мира

Владыко Вседержителю, Святый Царь! Призри с небесе и виждь, како враждуют народы и замышляют друг на друга суетное и злобное, како содрогается весь мир от воспоминания о бывших ужасах военных и трепещут от ожидания уготовляемых новых, еще более страшных. О, Многомилостиве, умилосердись о созданиях Твоих. Прости грехи и беззакония наши, их же ради многие скорби, беды и устрашения приидоша на нас. Благодатию Пресвятаго Духа ороси иссохшия любовью сердца людские, тернием самолюбия, ненависти и зависти, злобы, вражды и лукавства и иных беззаконий поросшие, да возрастят они горячую к Тебе и к братии любовь, и ею да будут истреблены все распри, раздоры, разделения, междоусобия и войны, да все народы не устами одними глаголют о мире, но всем сердцем возлюбивше его, непритворно раскуют мечи свои и копыя на орудия мирнаго делания и к мирному токмо труду обратятся. Человеколюбивый и Милостивый! Усердно молим Тя: мир мирови Твоему даруй, Церквам Твоим, людям православным и всем творениям Твоим. Ты бо еси Царь мира, и мира Твоего несть предела, и Тебе слава, и благодарение, и поклонение от всех да воссылается и ныне, и присно, и до скончания века веков. Аминь.

Речь протоиерея Алексея (Громова), произнесенная при отпевании епископа Афанасия

« Дорогой Владыка и отец Афанасий! Приближается горький час нашей разлуки. Но прежде чем твой земной лик любвеобильный, с которым мы знали тебя и к которому привыкли, уйдет от нас, позволь сказать тебе несколько слов благодарности в качестве бывшего воспитанника Владимирской духовной семинарии. Мне посчастливилось в богословских классах семинарии иметь тебя учителем и классным руководителем. Я хорошо помню день, когда ты, молодой, энергичный, ревнующий о славе Божией, прибыл из Полтавы в родную семинарию, чтобы занять вакантную кафедру преподавателя литургики и гомилетики. Помню блестящую лекцию, которую ты прочел нам, приступая к работе, - о значении литургики и гомилетики в системе богословского образования. Никогда не забуду начальных слов этой лекции. »На фронте нашей родной семинарии, - сказал ты, - написаны подлинно золотые слова: «Дондеже свет имаше, веруйте во свет, да сынове света будете» (Ин 12, 36). И дальше потекла речь плавная, красноречивая, убежденная и убеждающая. Ты говорил о красоте и величии православного богослужения, о том, что в наших богослужебных книгах, особенно в Триоде постной, есть произведения, не имеющие себе равных в литературе по силе своего духовного воздействия. Ты говорил дальше о важности церковной проповеди для утверждения среди людей евангельских заветов, о силе и значении слова вообще, приводил в пример лучших проповедников своего времени, силою слова привлекавших и увлекавших тысячи слушателей в Церковь Христову. Ты, как ангел, пел хвалу Богу перед юными слушателями, и «звук этой песни в душе молодой остался без слов, но живой». Ты говорил собственно о значении литургики и гомилетики в деле воспитания православного пастыря, а в души слушателей как-то невольно вкралось сознание важности богословского образования вообще, росло и крепло желание посвятить свою жизнь на служение Церкви Христовой. Это было давно. Полсотни лет прошло с тех пор. Много воды утекло в моря и океаны. Мировые события бурным потоком пронесли у нас над головой. И вот, мы снова встречаемся с тобой под сводами родного Успенского собора. Прежние и новые, старые и юные твои собратия и сослужители и многочисленные твои почитатели собрались, чтобы проводить тебя в последний путь. Глубока наша скорбь. Но острота ее в значительной, в большей степени смягчается сознанием, что ты идешь в горний мир с крестом в руках, как и в сердце, что дыхание безверия ни в какой степени не коснулось твоей благочестивой души.

Апостол Павел в предсмертном послании к своему возлюбленному ученику Тимофею писал: «Подвигом добрым я подвизался, течение скончал, веру сохранил; а теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, ... и не только мне, но и всем возлюбившим явление Его». (2 Тим 4, 7). Наша последняя к тебе просьба: святые апостолы в ожидании смерти и переселения в горний мир обещали своим ученикам не забывать их и по отшествии своем. И мы просим тебя: помолись у Престола Вседержителя об укреплении веры нашей на камени заповедей Христовых. А мы, живые, оставленные Господом на какой-то срок для завершения своего земного поприща, просвещенные учением Православной Церкви, будем молиться и просить Его, Владыку всяческих, чтобы упокоил Он душу твою в блаженных обителях Небесного Своего Царства."

31 октября 1962 г. г. Владимир, Успенский собор.

Считаю долгом сделать некоторые дополнения к написанному мною о жизни Владыки Афанасия. Мне однажды рассказал человек, вполне заслуживающий доверия, о том, как ему передали, что один юноша, оказавшийся в концлагере вместе с Владыкой Афанасием, был до глубины души поражен его ангелоподобием. То есть он никогда еще не встречал такого прекрасного старца, имеющего все христианские добродетели. Он весь как бы сверкал ими, подобно алмазу. Этот юноша говорил, что он считает себя счастливым, потому что хоть некоторое время он прожил около такого великого святителя. Он хотел бы и никогда с ним не разлучаться. За два месяца до кончины св[ятой] Владыка написал свою летопись «Даты и этапы моей жизни». В конце этой летописи говорится: «27 июня 1954 г. исполнилось 33 года архиерейства. За это время: на епархиальном служении – 33 месяца, на свободе, не у дела, – 32 месяца, в изгнании – 76 месяцев, в узах и горьких работах – 254 месяца. Обычно в жизни чем дольше разлука, тем больше ослабевают связи. Христианская любовь изменяет этот порядок. Мои добрые заботники, движимые христианской, а не мирской любовью, с каждым годом усиливают проявления своей заботы и попечения, с каждым годом умножают свою милостыню. Если в первые два года четыре месяца мне было прислано 72 посылки (по 30 посылок в году), то в последний, [19]54 г., их было уже 200. Да не оставит Господь Своею милостию благодетелей моих, верю – услышат они в оный день: »Приидите, благословенные Отца Моего, ... в темнице был, и вы пришли ко Мне" (Мф 25 34,36)". «Не может укрыться город, стоящий вверху горы» (Мф 5, 14). Владыке Афанасию пришлось в продолжение тридцати трех лет побывать во многих местах, его повидали многие-многие люди, и везде он блистал своею святой жизнью – своим терпением, кротостью и любовью. И все, кто его видел, кто с ним соприкасался, все его любили и хотели хоть как-нибудь ему помочь, облегчить его горькие узы. Поэтому-то и получал Владыка со всех сторон посылки и подарки. Будем же и мы помнить нашего дорогого русского святителя, не будем забывать молиться о упокоении его души и его родителей – Григория и Матроны, и он нас не забудет в своих святых молитвах у Престола Божия. Вечная ему память.

1963 г., 2/15 октября. Москва. Толмачи.

Иосиф Бродский: Сретенье

Поэзия

Когда она в церковь впервые внесла

дитя, находились внутри из числа людей, находившихся там постоянно, Святой Симеон и пророчица Анна.

И старец воспринял младенца из рук Марии; и три человека вокруг младенца стояли, как зыбкая рама, в то утро, затеряны в сумраке храма.

Тот храм обступал их, как замерший лес. От взглядов людей и от взора небесвершины скрывали, сумев распластаться, в то утро Марию, пророчицу, старца.

И только на темя случайным лучом свет падал младенцу; но он ни о чем не ведал еще и посапывал сонно, покаясь на крепких руках Симеона.

А было поведено старцу сему о том, что увидит он смертную тьму не прежде, чем Сына увидит Господня. Свершилось. И старец промолвил: « Сегодня,

реченное некогда слово храня, Ты с миром, Господь, отпускаешь меня, затем что глаза мои видели это дитя: Он – Твое продолжение и света

источник для идолов чтящих племен, и слава Израиля в Нем ». – Симеон умолкнул. Их всех тишина обступила. Лишь эхо тех слов, задевая стропила,

кружилось какое-то время спускаясь над их головами, слегка шелестя под сводами храма, как некая птица, что в силах взлететь, но не в силах спуститься.

И странно им было. Была тишина не менее странной, чем речь. Смущена, Мария молчала. « Слова-то какие... » И старец сказал, повернувшись к Марии:

« В лежащем сейчас на раменах твоих падение одних, возвышение других, предмет пререканий и повод к раздорам. И тем же оружием, Мария, которым

терзаема плоть Его будет, твоя душа будет ранена. Рана сия даст видеть тебе, что сокрыто глубоко в сердцах людей, как некое око ».

Он кончил и двинулся к выходу. Вслед Мария, сутулясь, и тяжестью лет согбенная Анна безмолвно глядели. Он шел, уменьшаясь в значении и в теле

для двух этих женщин под сенью колонн. Почти подгоняем их взглядами, он шел молча по этому храму пустому, как белевшему смутно дверному проему.

И поступь была стариковски тверда. Лишь голос пророчицы сзади когда раздался, он шаг придержал свой немного: но там не его окликали, а Бога пророчица славить уже начала. И дверь приближалась. Одежд и чела уж ветер коснулся, и в уши упрямо врывался шум жизни за стенами храма.

Он шел умирать. И не в уличный гулон, дверь отворивши руками, шагнул, но в глухонемые владения смерти. Он шел по пространству, лишенному тверди,

он слышал, что время утратило звук. И образ младенца с сиянием вокруг пушистого темени смертной тропы душа Симеона несла пред собою,

как некий светильник, в ту черную тьму, в которой до толе еще никому дорого себе озарять не случалось. Светильник светил, и тропа расширялась.

Март 1972